

Ковалевский Е.П.

ПУТЕШЕСТВИЕ
ВО ВНУТРЕННЮЮ АФРИКУ

A large, stylized handwritten signature in black ink, reading 'Ковалевский' (Kovalevsky), is written diagonally across the lower half of the cover.

Собрание
Сочинений
Том 2

Егор Ковалевский

**Собрание сочинений.
Том 2. Путешествие во
внутреннюю Африку**

«ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ»

1849

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2=411.2)5

Ковалевский Е. П.

Собрание сочинений. Том 2. Путешествие во внутреннюю Африку / Е. П. Ковалевский — «ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ», 1849

ISBN 978-5-9500068-2-1

Во второй том настоящего собрания сочинений Ковалевского Е.П., дипломата, путешественника, ученого, общественного деятеля, вошел очерк по итогам его экспедиции в Африку, впервые опубликованный в 1849 году. Дополняющие издание архивные материалы, в том числе записка «О добыче золота в России», составленная Е.П.Ковалевским для паши Египта Мухаммеда Али, и «Отчет о золотосодержащих розсыпях восточного Судана, находящихся во владениях Вице-Короля Египетского» египетских инженеров, обучавшихся на уральских заводах под руководством Егора Петровича, публикуются впервые. Книгу оценят все, кто изучает историю российской дипломатии и геолого-географических исследований середины 19 века, а также широкий круг читателей.

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2=411.2)5

ISBN 978-5-9500068-2-1

© Ковалевский Е. П., 1849
© ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ, 1849

Содержание

От издателя	6
Путешествие во внутреннюю Африку	8
Часть I. Египет и Нубия	10
Глава I. Александрия	11
Глава II. Первое впечатление, произведенное видом пустынь. Нил и Каир	18
Глава III. Мегемед-Али и пирамиды	24
Глава IV. Отъезд из Каира и плавание по Нилу до Миние	31
Глава V. От Миние до Эсне	37
Глава VI. Альме в Эсне и вообще женщины на Востоке	40
Глава VII. Нубия вдоль Нила	47
Глава VIII. Большая Нубийская пустыня	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Егор Петрович Ковалевский
Собрание сочинений. Том 2.
Путешествие во внутреннюю Африку

© ООО «Приятная компания», 2017

* * *

От издателя

Второй том настоящего Собрания сочинений Ковалевского Егора Петровича, дипломата, путешественника, ученого, общественного деятеля, печатается по изданию 1849 года «Путешествие во внутреннюю Африку Е. Ковалевского, автора «Странствователя по суше и морям» и проч.».

Очерк, в котором автор подробно описывает экспедицию, организованную по настоятельной просьбе египетского паши Мухаммеда Али с целью «устройства и разработки золотосысыпных россыпей, открытых в Верхнем Египте» [2], дополнен интереснейшими архивными материалами, характеризующими развитие золотодобычи в Российской империи и в Египте.

Пунктуация и орфография в настоящем издании приближены к современным нормам русского языка, географические названия и имена собственные оставлены в тексте в написании предыдущего издания с сохранением всех встречающихся вариантов.

Примечания настоящего издания выделены курсивом.

Выражаем искреннюю благодарность Министерству иностранных дел Российской Федерации за поддержку проекта, Начальнику Архива внешней политики Российской империи Поповой Ирине Владимировне и сотрудникам Архива Волковой Ольге Юрьевне и Руденко Алле Владимировне за внимание и неоценимую помощь; коллективу Протопоповского УВК Дергачевского районного совета в лице учителя украинского языка, краеведа Остапчук Надежды Федоровны, Фесик Вероники Владимировны, а также Мельниковой Людмилы Григорьевны, которой, к глубокому сожалению, уже нет среди нас, за большую организационную и научную работу по увековечиванию памяти писателя на его родине – в селе Ярошивка Харьковской области.

Библиографический список:

1. Библиографическая хроника // Отечественные записки. – 1849. – Т. 64, № 5, отд. VI.- С. 1-25.
2. Вальская Б. А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. – М.: ГЕОГРАФГИЗ, 1956. – 200 с.
3. Ковалевский Е. П. Путешествие во Внутреннюю Африку с рисунками и картой, ч. I и II. – СПб., 1849.
4. Ковалевский Е. П. Путешествие во Внутреннюю Африку с рисунками и картой. Собрание сочинений – СПб., 1872. – Том 5.

Е. П. Ковалевский.

Путешествие во внутреннюю Африку Е. Ковалевского (Автора «Странствователя по суше и морям» и проч.)

*του δε Νείλου τὰς πηγὰς οὐδεὶς ὑπέσχετο εἶδέναι,
εἰ μὴ ἐν Αἰγύπτῳ ἐν Σάϊ πόλι ὁ γραμματιστὴς
τῶν ἱρών χρημάτων τῆς Ἀθηναίης.
οὗτος δ' εμοίγε παίζειν ἔδοκεε, φάμενος εἶδέναι ἀτρεκέως.*

*«Никто ничего не знал об источниках Нила, кроме хранителя
священных вещей в храме Минервы в Саусе, в Египте, но и тот,
кажется, шутил, говоря, что знает определенно.»
Геродот кн. II. 28.*

«Источники Нила в раю».

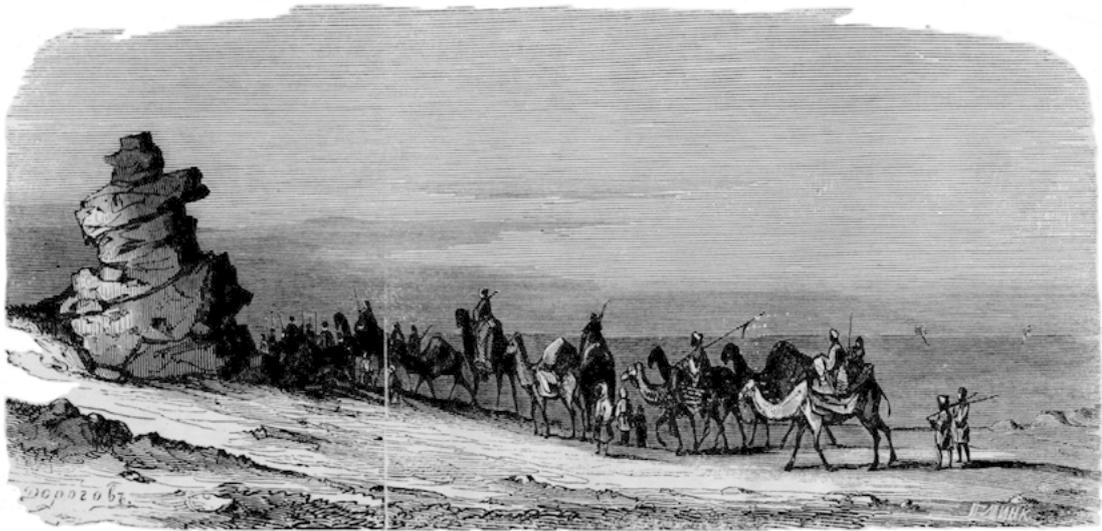
В то время, когда читатель примется за эту книгу, я буду далеко отсюда. На этот раз пребывание мое в Петербурге было непродолжительно, и я не успел обработать, как бы хотел, некоторые предметы в издаваемой мною книге, как, например, о происхождении разных племен, населяющих Египет, Нубию и Судан, и оставил неизданным путешествие свое по Сирии и Палестине. Кто знает трудности иллюстрированного издания у нас, тот удивится, как я мог издать свою книгу в таком виде в это короткое время.

Марта, 10 д. 1849 года. С. Петербург.

Виньетка: Фонтан в Константинополе, рис. Дорогов, рез. на дереве барон Клот.

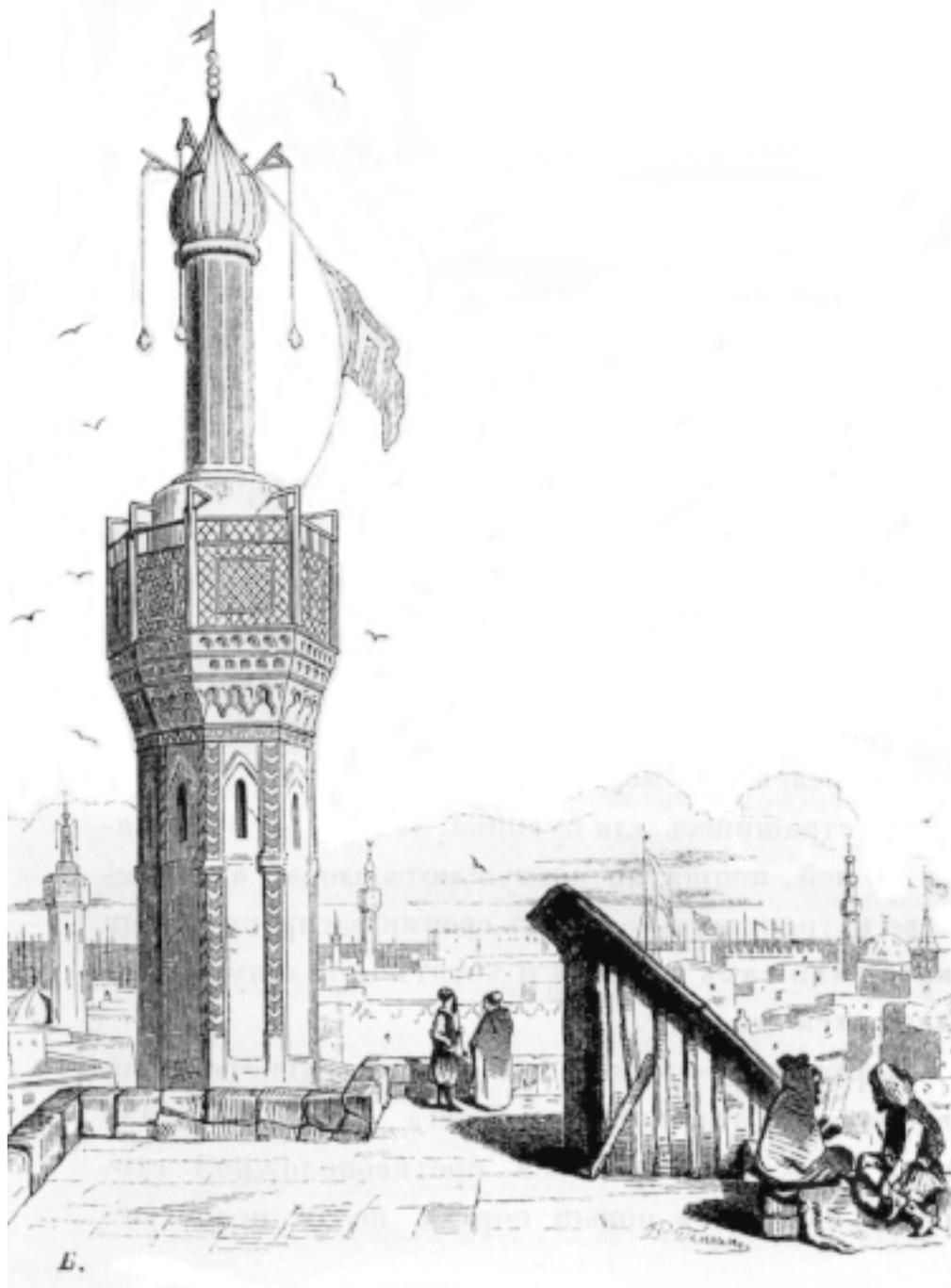
Часть I. Египет и Нубия

Караван в Большой Нубийской пустыне, рис. Дорогов, рез. Линк.

Глава I. Александрия

Путешественники, достигающие Александрии, с грустью глядят на песчаные берега Африки. Подобно идо, солдаты Наполеона приходили в уныние, высаживаясь на пустынную землю Египта. Еще прежде солдат Наполеона, войско Камбиза восставало против своих полководцев, приведших его в эту раскаленную зноем страну, и еще прежде рабы Фараонов проклинали землю, на которой строили пирамиды, – пирамиды, пережившие столько разрушительных веков и столько громких слав.

Вид Александрии (буква П), рис. Тим, рез. Бернарнский.

Александрия не произвела на меня особенного впечатления. Вид пальм, чудно рисовавшихся на ярком горизонте, был для меня не нов: я приехал из Родосса; низменный, песчаный берег слишком обыкновенен для глаз, которые привыкли к нашим болотным берегам и даже иногда с любовью глядят на них; город же сам по себе имеет весьма приличный вид даже для запада, не только для востока. С старого порта, где остановился наш пароход, Александрия особенно хороша. Налево – дворец паши, гарем, сад, маяк; против нас прекрасное строение арсенала, красивые дома, крепость, еще сады; только с правой стороны песчаная

коса, далеко выдавшаяся в море, предвещает о пустынях, страшных для путника; лачуги, расплзшиеся по ней неприятно возмущают взоры, а множество ветряных мельниц своими распростертыми крыльями так кажется и хотят оттолкнуть каждого отсюда.

Порт превосходный; к тому же единственный вдоль всего африканского берега, начиная от Туниса до Александрии. С противоположной стороны находится новый порт, почти недоступный для больших судов; но старый так велик, что может вместить в себя флот всей Европы.

Основание Александрии, как и основание Константинополя, сопровождалось чудом. На востоке ни на шаг без чуда; в этом отношении время не изменило нравов. Александр Македонский был поражен выгодным положением Рокотоса, небольшого селения: уснувши с мыслью о всемирном торговом городе, из которого бы имя его удобнее разносилось во все концы вселенной, он увидел облитого светом и пламенем старика (Константину великому явилась старуха), который пророческим голосом, стихами любимой Александром великим Одиссеи, указал место для подобного города: это было именно селение Рокотос. На другой же день принялся он с ученым Динакрисом чертить план города, который и поныне носит его имя, хотя древнего города Александра давно не существует.

Странно: люди никак не хотят признать гения в деле, на которое не хватило бы их самих. Для объяснения великого подвига, они готовы сочинить сказку, признать влияние случая, неизбежность судьбы, только не превосходство человека. Но Наполеон понял гений Александра; величайший из завоевателей, он сказал, что Александр нашел себе больше славы в сооружении Александрии, чем во всех своих завоеваниях. Жаль, что эта прекрасная мысль пришла несколько поздно Наполеону. Пораженный, подобно древнему герою Греции, выгодностью положения города на рубеже Азии и Африки, в виду Европы, он не сомневался в том, что Александрия может служить столицей мира; к этому надо прибавить – в руках такого полководца, как Наполеон, потому что Александрия не имеет природной защиты, и неприятель может взять и брал ее без больших затруднений с суши и моря. Это не то что Константинополь. У этого Босфор и Дарданеллы, простертые подобно двум могучим рукам к северу и югу для соединения их на мир и торговлю, подобно двум могучим рукам всегда готовы на защиту его.

Только в Александрии узнали мы, что по случаю открывшейся в Константинополе холеры, все приезжающие сюда должны выдерживать десятидневный карантин. Можно вообразить, каково это известие пришлось нам, имевшим столько поводов торопиться к своей цели. Нас отделили от других пассажиров и повезли в маленький дворец, занимаемый Ибрагим-пашей во время пребывания его в Александрии, где вскоре мы остались одни-одинехоньки.

Из обширной крестообразной залы выходили окна на все четыре стороны; отовсюду видно было тихое море и прозрачное небо с ярко-алым горизонтом, с которого только что скатилось солнце, – небо, какого мне давно не случалось видеть. Ночь упала внезапно, и несмотря на то, что небо покрылось мириадами звезд, была темна. Глухо отдавались шаги мои на мраморном полу пустынного, тускло-освещенного дворца...

Александрия! Египет!.. Есть над чем призадуматься. Александрия, откуда греки черпали образование, мудрость, религию, верования, завещая их свету. Египет, земля полная библейских подвигов, облитая кровью первых мучеников, принявшая из первых уст завет христианского учения... Земля Нила и пирамид, земля вечного, неистощимого и неувядаемого произрастания!.. Сколько воспоминаний, сколько ожиданий, из которых, увы, многим не суждено было осуществиться! Верования детства, – самые светлые, радужные верования! Счастлив тот, кто с ними пройдет всю жизнь и у кого горький опыт не потушит их на пути, заменив иным светочем, представляющим предметы и людей уже в другом виде!..

Мы были приняты с редким радушием и гостеприимством. Несмотря на то, заточение наше становилось все тяжелей и тяжелей, и когда настал день освобождения, мы до рассвета отправились в город.

Александрия, во время Плиния, заключала в себе 600.000 жителей, из которых 300.000 было граждан и 300.000 рабов. Амру, взявший Александрию, донес Омару, что в городе находится 4.000 дворцов, 4.000 бань, 400 театров и 12.000 магазинов. Во время экспедиции Наполеона в Египет, Александрия представляла развалины, служившие убежищем пиратов; в ней было, однако, до 8.000 жителей. Наполеон ничего не успел сделать для города, кроме некоторых укреплений. Мегемет-Али нашел Александрию в самом жалком положении: в ней едва оставалось четыре или пять тысяч жителей. Наученный опытом еще недавней высадки англичан на берега (1807 г.), паша поспешил возобновить древнюю стену, построенную пре-емниками Саладина для защиты города от крестоносцев, и сделал новые укрепления: это было первой его работой; потом уже взялся он за город, на который обратили внимание света Александр и Наполеон!

Нынче Александрия не только снаружи, но и внутри имеет вид европейского города с темным колоритом востока, который не совсем пристал к ней. Город чист и опрятен, как большая часть городов в Египте, что особенно кидается в глаза путешественника, после городов турецких. Вот что было первоначальной, побудительной к тому причиной. Мегемет-Али, не привыкший к противодействию, испытывал беспрестанные поражения от чумы, с которой вступил в самую отчаянную борьбу; напрасно он окружал карантинной линией не только береговые места, но и внутреннюю часть своих владений, населял их европейскими докторами и зрителями, принимал самые строгие меры, – чума не переставала появляться время от времени в Египте, собирая обильную жатву смерти. Наконец, не помню, кто из европейцев надоумил его; применяясь к нравам востока вообще и к характеру Мегемет-Али особенно, он высказал ему свои предложения в виде известной басни о пастухе, который, засадив своих овец за плотную ограду, сам встал у ворот и караулил их день и ночь, между тем овцы все гибли да гибли, потому что волк забрался в овчарню прежде еще, чем пастух встал на стражу.

– Так что ж тут делать? – спросил Мегемет-Али: оставить волка, пока он самого пастуха не задушит!

– Нет, надо разрушить до основания его логовище.

– А где оно?

– В той нечистоте, которой завалены улицы всех городов до того, что по ним пройти нельзя.

Этого было довольно, чтобы Мегемет-Али принялся за дело со всей, ему одному свойственной, энергией. С тех пор города, каковы бы они ни были, не только вычищены, выметены, но даже политы каждый день водой, и чума, в добрый час сказать, не появлялась уже около десяти лет в Египет!

До нынешнего года в Александрии считали 80.000 жителей; но по ревизии, которая приходит к концу во всем Египте и даст нам возможность представить верные сведения о населении страны, по этой ревизии оказалось в Александрии 145.000.

В городе есть площадь, довольно обширная; посередине фонтан без воды, правда, но к этим странностям надо привыкать на востоке; фонтан очень красив. На площадь выходят дома европейских генеральных консулов, – собственные, казенные или нанятые у Ибрагим-паши, потому что одна сторона площади занята почти вся его домами, дома богатых купцов, построенные в итальянском вкусе, несколько магазинов, гостиниц и кофеен. Надо заметить, что консулы и богатые купцы составляют аристократию на востоке.

Эта площадь напоминает площади итальянских городов: та же толпа народа, вечно движущаяся, суетливая, те же костюмы, тот же язык, то же энергическое, судорожное дви-

жение у гуляющих и разговаривающих, которое очень похоже на пугливую суету мелких животных перед наступлением бури.

Мы зашли к обязательному Т, остававшемуся поверенным нашего генерального консульства, по случаю пребывания его в Каире, где находился и двор паши; вместе с Т. отправились мы к Артим-бею. Артим-бей – министр иностранных дел и коммерции в Египте; последнее звание заставляет его жить постоянно в Александрии. Он родом армянин, воспитывался во Франции и очень хорошо образован; заменив, по месту, известного Богос-бея, бывшего столько лет сподвижником и самым близким человеком Мегемет-Али, Артим-бей умел также снискать доверенность старого вице-короля, который не слишком легко поддается новым людям.

Восток в Александрии надо искать на базарах: тут пестро, тесно, темно, таинственно, как в сказках тысячи и одной ночи. Вас поразит тяжелая одежда женщин: они, в полном смысле слова, закутаны в черные атласные хабры, и в черное покрывало, тарха; кроме того, боргу спускается на лицо, через переносье, в виде треугольника, черной же материи. Нос кажется вдавленным; драпировки никакой; женщина не может управлять покрывалом, которое лежит на ней, как тяжелое бремя супружеского запрета. В Константинополе совсем иначе. Легкое, белоснежное, оно окутывает грациозно ее голову и лицо; придерживаемое снизу руками, оно слегка открывается, будто по невольному движению, и вы часто видите, кроме черных агатовых глаз, матовой белизны щеки и чрезвычайно правильный нос. Дурные женщины гордятся тем, что никогда не нарушают завета Магоммета, и хорошо делают, какова бы ни была причина такого поведения.

Загородные дома, утопающие в садах, прекрасны, особенно вдоль канала Махмудие; не далеко от них, на холме, возвышается величественная колонна, украшенная капителью составного ордена. Не стану распространяться, кому именно посвящена эта колонна, известная под именем Помпеевой; ему ли, Диоклициану, которого имя находится сверху, или основателю Александрии, как полагают другие; замечу только, что гробница Александра была не здесь, как утверждают многие, и не над его могилой стояла эта колонна. Тут были царские чертоги, храмы, может быть даже храм Сераписа и жилище жрецов. Тело Александра, как известно, было перевезено в царственный его город Птоломеем I в гробнице из чистого золота.

Птоломею Коклесу понадобилось золото, и он переселил великого завоевателя из золота в хрустальный гроб, находившийся в противоположном конце города. Мы посвятим этому предмету особую статью, в которой постараемся подтвердить свои слова.

Иные говорят, что первоначальная форма этой и многих подобных ей колонн заимствована от кипариса, другие поэтически объясняют сказание древних о сжатых листьях лотоса, принимая их за первообраз капители; по моему мнению, колонна с капителями возродилась в подражание пальмы с ее распавшейся верхушкой, а минарет – в подражание кипарису. Первая колонна поставлена в стране пальм, минарет – в стране кипарисов.

У набережной новой гавани, возле ворот, находятся два обелиска; оба они вывезены из Мемфиса греками во время владычества их в Египте. Один стоит на подточенном цоколе, другой лежит в пыли; но тот и другой немало пострадали; на одной стороне стоящего обелиска все почти иероглифы изгладились; говорят, будто его избивало песком во время хамсима, который дует в апреле и мае: трудно поверить, не испытав на себе действия этого ветра; мне предстоит это впереди. Иероглифы с других сторон, и особенно с противоположной, сохранились совершенно: они очень красивы.

Обелиск известен под именем Клеопатриной иглы.

Оба монолита подарены Мегеметом-Али, один Франции, другой Англии; но как ни великолепны они, ни та, ни другая по сию пору не увезли их, потому что перевозка чрезвычайно дорога.

Вид от этих обелисков с набережной на море, на город, живой и мертвый, некрополис, – этот вид чрезвычайно хорош и вы забываете, что за вами лачуги солдатских жен и полунагие дети, вопиющие о бакшише, милостыне.

В Александрии, или правильнее за Александрией, есть катакомбы: если путешественник не затеряется и не задохнется в них, то будет очень доволен, когда выйдет на белый свет и вдохнет в себя чистый воздух. Есть еще так называемые клеопатрины бани; но почему эти лазейки названы банями, и даже клеопатринными банями, – этого я уже не знаю.

Общественной жизни в Александрии, как и на всем востоке, нет. Театр есть, но плох и не посещается хорошим обществом; два три дома радушно открыты для путешественников.

Теперь вы знаете нынешнюю Александрию, и даже может быть знаете с лучшей ее стороны. Обратимся за 2132 года назад и посмотрим, чем она была тогда? Я не стану вам описывать ее зданий, ее памятников; эти мертвые знаки не так ясны, не так понятно говорят душе, как сама жизнь, внутренняя жизнь города.

В Александрии торжество: Птоломей Сотер объявляет своего сына, Птолемея Филархельфа, соправителем. Они уже в павильоне, который нарочно для этого построен, в павильоне, сияющем золотом, серебром, тканями Персии и Индии, драгоценными и редкими камнями всех стран. Наконец, двинулась и сама процессия. В голове идут знаменщики различных корпораций. За ними греческие жрецы в порядке своей иерархии; это празднество было, по преимуществу греческое и выражало собой главнейший миф Бахуса, а потому жрецов было бесчисленное множество, все в богатых колесницах, представляя различные сцены из жизни этого бога.

За ними следовала колесница на четырех колесах, везомая шестьюдесятью людьми; на ней была огромная статуя города Низы, одетая в желтую тунику, шитую золотом; сверху – лаконийский плащ. В левой руке она держала жезл; голова украшалась листьями плюща и винограда из чистого золота с драгоценными камнями. Движимая хитрым механизмом, статуя вставала сама, лила из полной чаши молоко и опять садилась.

За этой статуей сто человек везли колесницу, на которой лежал пресс. Шестьдесят сатиров, под начальством Силена, при звуках песен и флейт, давили виноград, и ручей сладкого вина лился по следам их во всю дорогу.

Далее, целое отделение с вазами, урнами, различными принадлежностями служения жрецов, треножниками, посудой, кухней и проч. – все из чистого золота, превосходной работы и необыкновенной цены. Мы пропускаем исчисление всех этих вещей, величины и весу каждой из них.

Тысяча шестьсот детей, одетых в белые туники, с венками на головах, следовали за этими драгоценностями, неся различные золотые и серебряные сосуды и кувшины для вина.

Нельзя не упомянуть об огромной клетке, которую везли пятьсот человек. Из нее беспрестанно вылетали голуби и горлицы, обвитые длинными лентами, за которые зрители ловили их. С самой же колесницы били два фонтана, один молочный, другой винный. Нимфы, с золотыми коронами на головах, окружали ее.

Особенная колесница везла вещи, употреблявшиеся Бахусом, на обратном его пути из Индии. Сама статуя Бахуса, огромного размера, вся в пурпуре, с золотым венком на голове, в золотой обуви, ехала на разукрашенном слоне. Перед нею, на шее слона, сидел Сатир. 120 сатиров и 120 девочек с золотыми коронами на головах шли впереди, позади – 500 девочек в пурпурных туниках, опоясанных золотыми шнурками, а за этой невинной свитой Бахуса, толпились на ослах силены и сатиры в золотых коронах; осла также были разукрашены золотом и серебром. Далее, двадцать четыре колесницы, запряженные слонами, шестьдесят – козлами и множество других – различными животными, оленями, дикими ослами, наконец, страусами; на них сидели дети в туниках; при каждом было дитя в виде ассистента, с мечом и копьем в руке, в шитом золотом платье.

Потом медленно двигались колесницы, запряженные верблюдами, наконец, мулами; на них были неприятельские палатки, а в палатках – женщины из Индии, одетые как невольницы. Далее везли различные ароматы, ладан, ирис, шафран, кассию и проч. Возле них шли эфиопские невольники с различными подарками, слоновой костью, эбеновым деревом, золотым песком и проч. За ними охотники, в золоте; они вели 2400 собак различных пород; до 150 человек несли огромные деревья, с которых висели различные звери и птицы: фазаны, пентады, попугаи, павлины и проч. После многих других отделений, гнали различных пород быков и баранов, предназначенных, разумеется, для пищи народа, вели леопардов, пантер, тигров, львов, белого медведя и проч.

Богато одетые женщины, носившие имена Ионии и других греческих городов, и хор из 600 человек, с золотыми коронами на головах, сопровождали колесницу с огромным храмом из чистого золота, окруженную статуями и животными; 3.200 золотых корон, между которыми отличалась корона, посвященная таинствам, украшенная драгоценными камнями, множество золота в оружии и принадлежностях одежды, два бассейна из чистого золота, кувшины, чаши, проч. везлись на особых колесницах.

Наконец, все шествие заключали войска, состоявшие из 57.600 пехоты и 23.200 конницы, великолепно одетой.

Коликсен Родосский присовокупляет, что он описал только драгоценнейшие принадлежности этой процессии, пропустив многое другое, по его мнению, менее значительное. Я, в свою очередь, сократил описание правдивого историка.

Древние писатели с удивлением восклицают: могли ли когда другие города, Персеполь, Вавилон, во время их славы, или земли, орошаемые благословенным Патроклом представить подобные богатства? Конечно, нет! Один Египет в состоянии был это сделать.

Я оканчивал эту выписку, когда хлопанье бича раздалось на улице и заставило меня взглянуть в окно. Скорострел бежал, размахивая бичом направо и налево, задевая нередко полунагих пешеходов. За ним следовала небольшая венская кабриолетка, которая остановилась у моего подъезда. Вскоре вошел человек, весьма просто одетый, с тарбушом на голове: это был министр иностранных дел и коммерции, первый министр нынешнего правителя Египта, Артими-бей, захвативший проститься с нами.

Глава II. Первое впечатление, произведенное видом пустынь. Нил и Каир

До пристани отправились мы в экипажах. Загородные дома, сады, обдававшие нас надушенной цветом жасминовых и лимонных деревьев мягкой, влажной, сладострастной атмосферой, яркая зелень, которую можно видеть здесь только зимой, сам канал Махмудие, полный водою, потом движение народа по набережной, многочисленного и разряженного по случаю праздника, ряд экипажей, довольно щегольских, из которых выглядывали фигуры в разнородных костюмах, словно во время карнавала в итальянском городе, – все это оставило впечатление довольно приятное на прощанье с Александрией.

Мы поместились на маленьком пароходе, который буксировал барку с нашими неразлучными спутниками Мустафой-беем, вторым сыном Ибрагим-паши и его многочисленной свитой. Через четверть часа плаванья, вид совершенно изменился: пустыня песков слилась с пустыней вод озера Мареотийского (Бахр-эль-Мариут), такого же унылого, такого печального как она.

Все было мертво кругом. Сам горизонт, на котором угасали лучи закатившегося солнца, горизонт бледный, безжизненный, казался только продолжением пустыни, а потому не видно было и конца ее. Переход от жизни к смерти разителен. Эта пустыня сопровождала нас до самого Нила, и там еще оставалась верной самой себе в целом, и изменялась только в частностях.

Канал Махмудие соединяет Александрию с Нилом на пространстве 25 лье. Он вырыт Мегеметом-Али в первые годы его правления; стоил многих миллионов рублей и до 30 т. человек, погибших при работах. Думали только о том, как бы скорее окончить канал; иногда нагоняли до 300.000 рабочих за раз, которые, говоря буквально, когтями рыли землю и выносили ее горстями; все это толпилось на тесном пространстве, в душной, пыльной атмосфере, давило друг друга обрывами берегов, ведя неправильные работы, гибло от голода и глазных болезней, и без того свирепствующих в стране; к этому забросьте сюда хоть на неделю чуму, и вы увидите, какую жатву соберет она. Зато в 10 месяцев канал был окончен. Следы этой поспешности заметны и теперь: канал крив и кос; видно, что работали вдруг на нескольких пунктах без предварительных соображений. До них ли было! Когда у Мегемет-Али зарождалась какая мысль, она не давала ему покоя и как кошмар мучила его и днем и ночью, пока, наконец, не осуществлялась, большей частью удачная и полезная, или совсем не распадалась, за невозможностью в исполнении; но до такого убеждения Мегемет-Али доходил только после всевозможных попыток и усилий, иногда дорого обходившихся ему. Это натура, не знающая для себя преград.

Близ Атфе кончается канал; тут ожидал нас большой пароход, который плавает по Нилу. Было темно; шел частый мелкий дождик, что здесь большая редкость. В Атфе, где давно уже все спало, вдруг замелькали огоньки и потянулись по направлению к нам. Вскоре раздался крик и шум, потом целая толпа полунагих людей, гонимая курбачем, нахлынула на пароход и завладела нашими вещами: мы ровно ничего не понимали; толпа отхлынула, оставив нас в совершенной темноте, на опустошенном ею пароходе. Положение наше было очень жалким.

– Этак, они все раскрадут, – сказал в отчаянии один из наших людей.

– Не думаю, – отвечал кто-то из-за меня, довольно чисто по-русски, – арабы, правда, первые мошенники в свете, но они как огня боятся Мегемет-Али.

– Вы русский, – спросил я, не обращая внимания на его не слишком успокоительные слова и рад-радехонек, что нашел человека, который не только понимает меня, но еще берет труд отвечать.

- Я... служу здесь... для порядка, при отправлении пассажирских вещей.
- Хорош порядок, – подумал я. – Как же вы не заведете такого порядка, как в Европе?
- Пробовал было.
- Что же?
- Вышло хуже; чуть место не потерял; так я уже и оставил по-прежнему: ничего, идет.

Затем он вызвался проводить нас к пароходу, что стоял на Ниле. Уж он нас водил, водил, по переулкам, лестничкам, над обрывами берегов; кажется, ему хотелось договорить свою историю, но мне было не до нее: я едва успевал идти за его длинной фигурой; закутанная в широкий бурнус, она представляла странные, фантастические формы, то ложась бесконечной тенью на воде, то полуисчезая в темноте узких улиц. При том же, я так привык к похождениям этих авантюристов, что наперед знаю их историю, и то, что они станут о себе рассказывать, рисуясь перед вами жертвами неумолимого рока, и то, что они вам не доскажут из любви к себе и уважения к вам.

Приближаясь к пароходу, мы услышали страшные ругательства на французском языке с примесью арабского, и вскоре открыли особу, изрыгавшую их: она стояла над грудой разбросанных вещей и, увидя нашего проводника, который робко жался за нами, вскинулась на него.

Ясно было, что француз был здесь распорядителем. – Где наши вещи? – спросил я его.

– До ваших мне вещей! Сейчас будет индийская почта; ступайте скорее, не то пароход отойдет без вас; вещи после найдете.

Не доставало только того, чтобы пароход, назначенный, собственно, для моего переезда, отправился без меня! Впрочем, чего доброго: слово, индийская почта, имеет здесь магическое действие, и не мудрено, если для ее парохода прогонят наш из пристани. Англичане и здесь умели поставить себя на твердую ногу.

А дождь все шел. Я уже заботился не о вещах, а о том, куда бы приютить самого себя на ночь: в каютах все было занято; я опять к французу, который одной ногой стоял на сходах парохода, приказывая отваливать, но на этот раз предъявил ему права свои.

– Послушайте, – сказал он дружелюбно, узнавши, что пароход был в моем распоряжении, – тут никто не признает прав другого; сила все берет. Ступайте в любую комнату, прикрикните построже на тех, кто ее занял, в случае нужды, погрозите кулаком, так они увидят, что вы точно имеете право и очистят для вас комнату.

Ну, подумал я, тут видно порядки другого рода: дай испытаю средств француза, и попытка на первый раз удалась совершенно.

Пароход уже давно несся, по египетскому обычаю, сломя шею, спотыкаясь беспрестанно на мели и не редко задевая за берега. Было за полночь, но я не мог уснуть. Мысль, что я на Ниле, боготворимом некогда Ниле, которого неразгаданные простыми смертными таинства, жрецы Египта передали грекам, а те, преобразив их по своему обыкновению в поэтические образы, завещали нам, – эта мысль не давала мне покоя. Мечты детства бились в груди моей; увы! этим мечтам, которых не в силах была задушить мятежная жизнь, суждено было разрушиться самим собой, при виде нагой сущности.

Я поднялся до солнечного восхода. Нил тек тихо, величаво. Мы уже вышли из розетской его ветви, и Нил был в полной широте своей, почти вдвое шире Невы, как она у Исакиевского моста. Берега пологи, унылы; ряды пальм стоят единообразно, как частокол, отороченный иглами. Если где и мелькнет из-за них деревня, то такая, что лучше бы ее вовсе было не видно. Вдали тянется гряда гор, темная, избитая, нагая, полузанесенная песком. Так вот этот Нил! – подумал я. Впрочем, есть предметы, как и лица, в которые чем более всматриваешься, чем более изучаешь их, тем более находишь красоты и глубокого значения. Может быть таков и Нил, и уже без сомнения не везде одинаков, на пространстве слишком трех тысяч верст, которые мы проследим с вами, читатель, если у вас достанет на то терпения,

вы, – в покойных креслах, в прохладной комнате, и даже в постели, я – то на воде, то на верблюде, то пешком, то на осле: в зной 45 градусов по Реомюру, но все-таки мне не хуже вашего: я буду видеть живую природу, вы будете читать мертвое слово.

Мы с намерением прошли молчаньем гигантские работы устройства шлюзов на Ниле, у соединения рукавов его; они требуют подробного и продолжительного исследования и мы займемся ими на обратном пути. Здесь, кстати, заметить, с какой легкостью и самоуверенностью путешественники произносят приговор о людях и вещах. Князь Пюклер-Мускау, выпиывает из сочинения Клот-бея (разумеется, не упоминая о нем) описание проекта шлюзов на Ниле инженера Линан-бея, утверждая, что работы производятся под надзором его. Клот-бей был прав, потому что в то время, когда печаталась его книга, работы действительно производились Линан-беем и по его плану; но когда путешествовал в Египете Пюклер-Мускау, тогда эти работы были брошены и принят новый проект Мюжо, основанный на других началах, и определявший для устройства шлюзов другое место.

Поздно вечером, того же дня, мы пристали у дворца Ибрагим-паши. Вид на Каир, утопавший в сумерках и яркой зелени садов – живописен. Мы переночевали на пароходе и на другой день утром отправились в город.

Каир остается теперь единственным типическим городом магометанского востока, не нынешнего востока, пресмыкающегося в невежестве или рабстве, но прежнего, времен его славы, времен калифов. Посмотрите, как хороша, величава во всей изящной простоте своей эта мечеть, как легки, воздушны, грациозны минареты! Высоко встанут они от земли и будто собственною волею стремятся один за другим все выше и выше в небо; не успеешь следить за ними, не успеешь уловить их взором; а эти резные, точеные балконы, обвитые, словно кружевом, тоненькою решеткою, а окна филиграновой работы, в которых вполне разыгралась фантазия востока, а улицы, крытые где полотном, где деревом: в них и в самый полдень вы защищены от солнца; а ночью, ночью как таинственны эти улицы! Веришь, что приключения тысячи и одной ночи могли в них случаться. Да, Каир сильно поражает на первый раз путешественника, настроенного к чудесному, утомленного единообразным видом городов нашей положительной Европы. Но, увы! Мечети и минареты разрушаются, никем не поддерживаемые; дома ломают, чтобы расширить улицы, или поставить, вместо старых, другие, в левантском вкусе, составляющем безобразную смесь европейской и восточной архитектуры. Может быть, от этого, Каир и выигрывает в одном отношении, хотя, конечно, не столько как Александрия, увлекшая его своим примером, – Александрия, которая из грязной деревушки превратилась в обширный полуевропейский город, но уже конечно не выигрывает ни в отношении архитектуры, ни в отношении поэзии. Скажут, кто нынче об этом думает? Нужно одно полезное, существенное, положительное: правильные, широкие улицы дают простор воздуху, облегчают сообщение, приучают к порядку, – замечание очень благоразумное; но ужели вы думаете, что и прежде не рассуждали также благоразумно, и что люди, еще носившие в душе воспоминание о беспредельных пустынях, не заботились о просторе? Дело в том, что на этих широких, открытых улицах вас сожжет полуденное солнце; вот чего очень благоразумно избегали все города юга средних времен, устраивая у домов висячие балконы, которые составляют род кровли над улицами. Простор любили арабы, простор в доме, расписанном, разрисованном арабесками, раззолоченном, простор на широком дворе, устланном мозаикой, застланном густою зеленью виноградников и фиг, прохладенном вечно бьющим фонтаном: тут может быть и не было нашего комфорта; но была роскошь, нега, пища фантазии, удручаемой житейской заботой. Как бы то ни было, дело в том, что единственный, вполне сохранившийся памятник чисто арабской архитектуры, скоро исчезнет, и дети наши уже принуждены будут изучать ее в рисунках и преданиях.

С напряженным любопытством смотрел я по сторонам: мне казалось, что этот город, столь отличный от других городов, должен и жить иной жизнью, что дух калифов, хотя

скорбный и унылый, однако все еще покровительствующий любимому городу, витает над ним: кругом пестро, но вяло; нищета и бедность выказываются острыми углами из под старого, шитого золотом бурнуса...

Засмотревшись вокруг себя, я совсем было наткнулся на странную чету: один – в лохмотьях, безобразный; он колотил в бубен, что было силы, припрыгивая в такт; другой – почти нагой, ревел благим матом.

– Что это такое? – спросил я своего проводника – драгомана.

– Фантазия.

– Что такое?

– Фантазия, – повторил он презрительным тоном, кидая две-три пары на простертый перед нами бубен. – Пускай будет и фантазия, подумал я и последовал его примеру.

Между тем, дикие звуки другой музыки неслись прямо на нас, приближаясь, и мы опять поспешили посторониться, чтобы дать место процессии: впереди шел целый оркестр оглушительной турецкой музыки; за ним, под тяжелым балдахином, поддерживаемым несколькими дюжими носильщиками, двигалось медленно, очень медленно, что-то ведомое, или, правильнее, тащимое, совсем закрытое, совсем незримое, походившее на вешалку, на которой в беспорядке нагромождены всякого рода дорогие материи; затем шла толпа народа, шли какие-то крикуны, и, наконец, на изукрашенной богатой сбруей лошади, ехал, весь убранный в парчу, мальчик лет шести; за ним опять валил народ, опять шум и крик.

– Что это такое? – спросил я.

– Фантазия, – отвечал самодовольно драгоман, продолжая с любопытством глядеть на процессию.

При слове фантазия, я опять было вынул деньги, как человек, понимающий в чем дело, но драгоман отрицательно покачал головой.

– Да что же это наконец такое, ваша фантазия?

– Известное дело – фантазия! – отвечал он тоном глубокого убеждения. Нечего делать, надо было ожидать другого случая или другого человека, который мог бы мне объяснить каирскую фантазию.

– Ее поведут по всему городу, – говорил драгоман, продолжая путь и не обращая ко мне.

– Фантазию?

– Невесту.

– Да где же невеста?

– Разве вы не видите, под балдахином.

А, так эта движущаяся вешалка – невеста! Не она ли и есть фантазия? Однако, из тех уродливых фигур, которых мы прежде встретили: – один нагой, другой в рубищах, – конечно не было невесты, а между тем была фантазия.

Мы шли к нашему консулу. Чтобы сократить путь, драгоман повел меня через какой-то двор, и потом небольшой садик, полный деревьями олеандров и роз в цвету. Я невольно остановился полюбоваться ими.

– Стоит ли смотреть, – сказал мне драгоман, – вот Шубра так сад, а это что? – просто фантазия.

Как, все-таки фантазия! Вот, истинно, самый фантастический город, – подумал я, – и уже не спрашивал о значении слова. Молча продолжали мы путь, и вскоре достигли Эзбекии, где стоял консульский дом.

На площади опять сцена: сцена печальная, тяжелая, возмутительная для души, хотя я не в первый раз вижу ее. Во всеувидение, как осужденная, стояла женщина, едва прикрытая лохмотьями. По чертам и цвету лица легко было догадаться, что это абиссинянка, а по выра-

жению – что это невольница; недалеко от нее, стоял равнодушный к ее участи, беспечный продавец ее. Я поспешил укрыться в доме нашего консула.

Вслед за мной, пришел к консулу египетский чиновник и объявил, что мне приготовили квартиру у Камиль-паши, зятя Мегемет-Али, куда мы и отправились.

Абиссинянка, невольница, рис. Тим, рез. Бернадский.

Дом Камиль-паши расположен как и дворец, в котором мы жили в Александрии, как почти все дома богатых турков: – крестообразная зала и в каждом углу ее по комнате, где две; только комнаты отличались роскошью и даже вкусом убранства. Хозяин встретил меня. Это был тип тех турков чистой крови, если можно так выразиться, которые, по несчастью, нынче совсем переводятся. Манеры его, исполненные благородства, достоинства, внушали

невольно к нему уважение; в лице было выражение кротости и покровительства; разговор цветист, вежлив, но без лести. Камиль-паша образован в восточном роде, то есть, кроме турецкого языка, знает прекрасно арабский и персидский, к тому же порядочно говорит по-французски, хотя еще нет года, как начал учиться этому языку. Он теперь пишет историю правления Мегемет-Али, по поручению своего тестя. Речь, произнесенная последним в собрании своих властей, удивившая всех по новости идей и наделавшая довольно шума, речь, исполненная многих благородных чувств, была написана, разумеется, под влиянием Мегемет-Али, Камиль-пашой, а не Семилем, как многие утверждали.

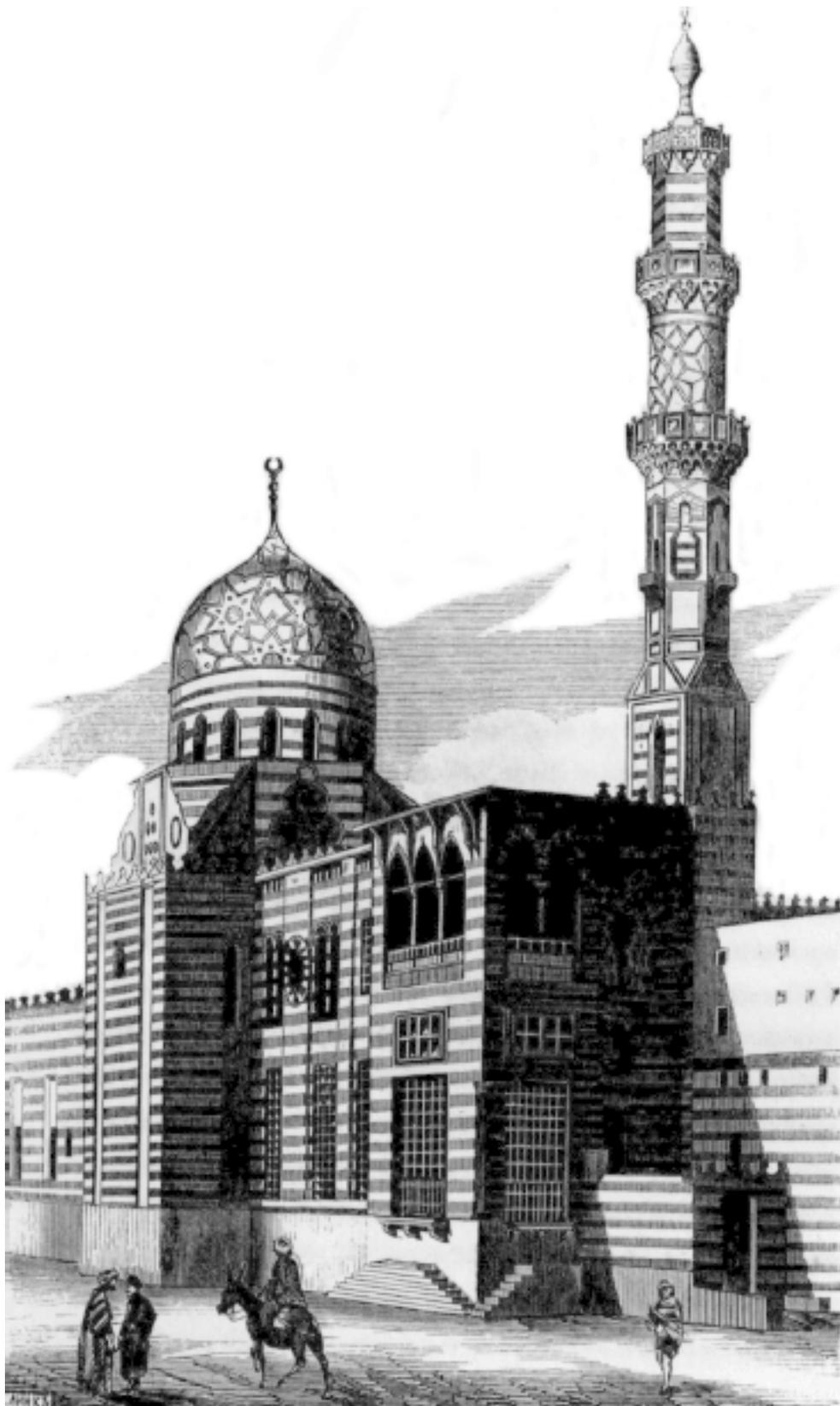
Джеляб, торговец невольниками, рис. Тим, рез. Бернардский.

Глава III. Мегемед-Али и пирамиды

Мегемет-Али пригласил нас в тот же день к себе обедать, – почет, которым он редко кого удостоивает. К завтраку он приглашает часто, иногда даже дам, особенно жену французского консула, Баро, но обедают с ним только люди близкие, турки, большей частью его родственники, всего человек шесть-семь.

Мегемет-Али сидел уже за столом, когда мы вошли в столовую, и после ласкового приветия, просил нас садиться. На лице его изображалась тяжкая болезнь: это было начало той болезни, которой, увы, суждено было впоследствии так неожиданно, так страшно разразиться: руки его дрожали; он едва мог держать ложку и почти ничего не ел; но голос был тверд, и, перемогая свои недуги, старый паша не переставал быть приветливым хозяином.

С любопытством всматривался я в лицо этого человека, который так долго занимал собой внимание Европы. Его выставляли то гением, то злодеем, но каков бы он ни был, история жизни его, во всяком случае чудная и таинственная, верно не раз заставляла биться сердце читавшего ее. История эта всем известна, и я не стану рассказывать ее подробно; припомню только важнейшие события.

Мечеть в Каире, рис. Соколов, рез. Линк.

Мегемет-Али родился в маленьком приморском городке Румелии, Кавале, в 1769 году, как говорит он сам, но старики из Кавалы утверждают, что ему теперь стукнуло добрых 90 лет. Оставшись сиротой в детских годах, он был призрен одним добрым агой; мальчик

полюбился аге, который отличил его от прочих домочадцев и выбрал ему довольно богатую невесту. Молодой Мегемет-Али с легкой руки начал торговать табаком, скопил себе маленькое состояньице и строил планы более обширной торговли, как вдруг пришло в Кавалу приказание набрать 300 человек и вместе с другими отправить в Египет, где турки уже воевали против армии Наполеона: Мегемет-Али попал в число этих 300 человек. Он был храбр, в этом все отдают ему справедливость, умен, об этом и говорить нечего, а потому не мудрено, что скоро выставился вперед из среды полудиких албанцев. После абукирской битвы, он уже был произведен в сарешесме (в начальники 1.000), а когда французы покинули Египет, он был послан против мамелюков, в качестве начальника отряда.

Тут начинается для Мегемет-Али тот неверный, тернистый и вместе скользкий путь, по которому властолюбцы идут к своей цели: бездна у ног; один неверный шаг, и гибель неизбежна. Надо однако сказать, что не всегда эти пираты счастья пускаются по нем преднамеренно, со знанием цели: Нет! Иногда случай сталкивает их на эту дорогу, иногда судьба увлекает по ней. Мегемет-Али, рядом побед, интриг, силой несокрушимой воли и гибкого ума дошел до того, что шейхи Каира, выбросившие Кошруда из пашалыка, предложили Египет смелому албанцу. Мегемет-Али последовал общей, весьма странной уловке людей в его положении; несколько времени он ломался, отказывался и, наконец, согласился сделать милость каирским жителям и шейхам, – принял Египет; Порта, несмотря на все свои противодействия, принуждена была утвердить его в звании вице-короля: фирман последовал 9 июля 1805 года.

Проходим молчанием ряд последующих побед его и завоевания Аравии, Сирии, Сенаара, Кордофана. Освобождение святых городов Мекки и Медины из рук мусульманских еретиков, вагабитов, против которых ничего не могли сделать войска султана, доставило ему громкую славу и уважение в мусульманском мире; но, вскоре, потом начинается для Мегемет-Али ряд поражений всякого рода: смерть любимых сыновей Туссуна и Исмаила, ужасное поражение в Греции, частая чума в Египте, наконец, отнятие Сирии и Аравии, и вслед за тем, уничтожение многих монополий, приносивших ему огромный доход, мера, которую он должен был принять против воли. Но старый паша не упал духом, и продолжал по-прежнему дело преобразования в оставшемся ему Египте, в Сенааре и Кордофане: как он переобразовал их, это мы увидим во время своего путешествия, а теперь обратимся к нашему обеду.

Обед был очень хорош и сервирован по-европейски; все торопились есть или пропускали блюда, не прикасаясь к ним, чтобы не утомлять больного продолжительным сидением за столом; француз дворецкий, понимавший общее желание, исполнял свое дело живо; слуги передвигались в совершенной тишине, как тени; только слышна была мерная, внятная, кадансовая речь переводчика, который с главным драгоманом, лицом очень важным в управлении Египта, стоял у стула больного и передавал нам по-французски едва внятные слова его.

Мегемет-Али небольшого роста; съезженный летами и болезнью, он казался миниатюрным, крошечные руки и голова соответствовали всей его фигуре; редкая, белая борода и маленькие усы не скрывали лица, которое некогда было красиво, теперь бледно, покрыто морщинами, но нисколько не неприятно, как это часто бывает у стариков, напротив, внушало уважение и доверенность, а светло-карие, глубоко вдавленные глаза, подвижные, живые, все еще блестящие, как-то странно озаряли эту фантастическую фигуру, свидетельствуя, что жизнь в ней еще бьет ключом и мятежный дух также деятелен теперь, как был двадцать лет тому назад. Только по временам, какое-то страшное вскрикивание, которое, казалось, вырывалось из глубины души больного, неожиданно, без всякого участия его самого, невольно пугало нас; другие привыкли к нему, потому что всякая болезнь вице-короля сопровождалась подобными криками; их не могли истребить ни его твердая воля, ни все усилия врачей. Говорят, это произошло от чрезвычайного нравственного напряжения его во время войны с

вагабитами. Окруженный отовсюду сильный неприятелем, угрожаемый своими, из которых многие уже отказались ему повиноваться, он решился на отчаянный подвиг: взять приступом крепость, так сказать, висевшую над головой и громившую его лагерь; одним этим он мог восстановить упавший дух в оставшемся у него отряде, открыть себе путь во внутрь страны и утратить неприятеля. У него была только горсть людей, и с ней-то, ночью, кинулся он на крепость. Неожиданный успех увенчал дело, и война с вагабитами приняла другой оборот; но возвратившись с поля битвы, Мегемет-Али почувствовал в первый раз эти нервные, судорожные крики, которые, в начале, приводили его в совершенное отчаяние.

За обедом разговор кружился около моей экспедиции. Мегемет-Али хотелось, чтобы я переждал периодические дожди в Каире, и потом уже отправился в Сенаар; он утверждал, что первые дожди в Судане начнутся в будущем месяце (феврале). Мысль, что я должен жить в Каире без всякого дела около полугода, пугала меня; при том же, хотя Мегемет-Али и был однажды за линией периодических дождей, следовательно, мог судить по опыту, однако, я знал от людей бывалых во всякое время года в этих краях, что сильные дожди, хариф, от которых бегут люди и звери, в горах начинаются не ранее мая месяца; я решился объяснить это Мегемет-Али, разумеется, как можно легче. Он сомнительно покачал головой и обратился с вопросом к другим. Многие из находившихся тут были в Судане, но только один, из слуг, решился отвечать, что хотя эфендина совершенно прав и дожди бывают в феврале, однако, большей частью начинаются в мае. Мегемет-Али взглянул на него так, что тот попятился невольно к стене; но тут же объявил, что совершенно согласен отпустить меня, когда я хочу, и что велит немедленно снаряжать экспедицию; только ради моего здоровья желал он оставить меня подольше здесь. И действительно, как я узнал впоследствии, Мегемет-Али, по совету доброго Клот-бея, хотел, чтобы мы акклиматизировались в Каире, и сколько поэтому, столько по возникшим неприятельским действиям с Абиссинией, со стороны Сенаара, хотел нас удержать несколько времени при себе, хотя сам нетерпеливо желал поскорее добиться результатов нашей экспедиции, а результатов он ожидал огромных.

– Я приказал генерал-губернатору послать в Фазоглу 10.000 человек для работ на золотых рудниках, – сказал паша, – а если нужно так еще прибавлю столько же.

С удивлением слушал я его. Что мы станем делать с 10.000, думал я, когда еще нет и рудников, не говорю уже о горных людях, которые бы могли руководить всю эту толпу людей; но предупрежденный наперед и видя по опыту, как не любит противоречий старый паша, избалованный своими и европейцами, которые из уважения к его летам и заслугам, из боязни, может быть, во всем соглашались с ним, хотя не всегда поступают по его воле, я на этот раз не противоречил, решившись, однако, при первом свидании объяснить с ним обстоятельней и показать вещи с настоящей точки зрения. – Иншаллах! – сказал я, – дай только Бог, чтобы было золото!

– О, вы непременно найдете и золото, и серебро, и медь: там всего много.

Я хотел было говорить, но обращенные на меня отовсюду умоляющие взоры принудили к молчанию.

После обеда мы ушли в другую комнату, роскошно убранную, разрисованную в восточном вкусе цветами и арабесками, с огромными зеркалами на простенках и с мягкими диванами вдоль двух стен. Мегемет-Али уселся по-турецки в углу дивана, совсем погрузившись в свою шубу; мы сели возле, на покойных креслах; из всех бывших в столовой, один главный драгоман последовал за нами. Напившись кофе и втянув в себя по несколько глотков дыма из огромных, украшенных бриллиантами янтарных мундштуков, мы хотели откланяться, чтобы не утомлять больного.

– Мне скучно; останьтесь, пожалуйста, и будемте о чем-нибудь болтать, – сказал он добродушно.

И стали говорить. Зная его слабую сторону, консул завел разговор о торговле, и Мегемет-Али оживился, увлекся. Мы оставались у него около часа после обеда.

Никогда не забуду я слов его, произнесенных с особенным выражением, как бы пророческим голосом: «нас трое сверстников», – говорил он, – «Луи-Филипп, король французов, Метерних и я; если свернется один из нас, то другие немедленно последуют за ним». Этим словам суждено было слишком скоро осуществиться.

Приготовления к экспедиции шли быстро: Мегемет-Али умел приучить своих подчиненных к подвижности.

Нас собралось в том время человек семь русских, что чрезвычайно редко случается в Каире, и большею частью знакомых с давних времен. Утром ездили мы за город, осматривать или окаменелый *лес*, или пирамиды, или мечети; вечер проводили большею частью у нашего консула. Каждый русский верно вспоминает с благодарностью о том обязательном внимании, о том радушном гостеприимстве, которое оказывали ему наши консулы на востоке.

Вечером являлся к нам почтенный доктор Прюс, член парижской медицинской академии, присланный в Каир для исследования чумы и пользовавший Мегемет-Али и Клот-бей; они говорили, что приходили в русскую колонию, как называли наше общество, отдыхать от трудного дня, проведенного при больном, о котором сообщали нам сведения, не всегда утешительные. Не мы одни, все в Каире находились в каком-то трепетном ожидании конца этой болезни.

Пора, наконец, сказать несколько слов о пирамидах: о них кажется, уже истощены все споры, все восклицания, все прилагательные превосходной степени так, что мне немного остается прибавить.

Пирамиды, когда на них глядишь издали, например, из дворца Мегемет-Али, действительно, поражают своим величием; тем более, что воображение заранее приготовлено к чудесному, но по мере того, как приближаешься к ним, – они сжимаются, мельчают, принимают обыкновенный вид, и, наконец, вам представляется огромная, конусообразная масса обтесанных камней, сложенных один на другой, уступами и выведенных в одну точку вверх. Некогда пирамиды были одеты плитами. Все пространство внутри их выполнено такими же камнями, кроме двух-трех комнат, большею частью расположенных одна над другою, до которых с трудом можно достигнуть, ползком, съезжившись, по темным и низким коридорам, да еще, может быть, нескольких неизведанных подземелий.

Основанием пирамид служит срезанная и сглаженная скала; вход стережет гигантский сфинкс с задумчивой физиономией, избитый временем и, кажется, сокрушающийся о том, что оно не совсем истребило его и допустило быть свидетелем другой эпохи, жалкой эпохи, других событий, невероятных событий для сфинкса фараоновых времен.

До сих пор несправедливо считали пирамиды высочайшим зданием в мире: колокольня в Ревеле, двумя-тремя футами выше их. Исчислено, что если разобрать одну пирамиду, то из камней ее можно скласть небольшую стену вокруг всей Франции. Боже мой, сколько труда, сколько поту и крови человеческой пролито и как бы бесполезно! Теперь, самым справедливым мнением считается то, что эти пирамиды служили гробницами фараонов: так вот для какой суетной цели жертвовали тысячами людей! Но пусть лучше за нас говорит сам Геродот, этот поклонник, этот обожатель мудрости жрецов, правдивый Геродот, которого, однако, иногда совращали с пути правды пристрастие и увлечение к предмету. Вот как строились пирамиды.

«Перед начатием работ, Хеопс закрыл храмы и запретил жертвоприношения; все было устремлено к одной цели. Некоторые из египтян были осуждены тесать камни в аравийских горах и доставлять их оттуда к Нилу, другие перевозили эти камни через реку, тащили их из Ливии к месту построек; сто тысяч человек, переменяемых каждые три месяца, были беспрестанно заняты работами, и десять лет едва были достаточны для того только, чтобы

устроить дорогу для перевозки камней... Сооружение самой пирамиды, носящей имя Хеопса, продолжалось 20 лет».

«Чтобы достать денег для этих огромных работ, Хеопс дошел до того, что принудил дочь торговать собою. Мне не сказывали, какую сумму выручила она, – продолжает Геродот, – но уверяют, что вздумавши составить памятник собственно для себя, она потребовала от каждого из своих любовников по камню, и из этих камней соорудила пирамиду¹...».

К этому надо прибавить, что механические пособия не были известны во время фараонов, сколько не толкуют о египетской мудрости; изображения на стенах древних храмов сохранили нам в точности тогдашний способ перевозки камней: тысяча человек, запряженных веревками в полозья, перевозят на себе колонну или камень.

Признаюсь, я смотрел не с восторгом, к которому был подготовлен всеми описаниями путешествий по Египту, но с невольным ужасом на эту громаду, свидетельствующую в течение пяти тысяч лет о тиранстве фараонов. Пускай бы изящные формы, искусство увлекли вас, заставили умолкнуть воспоминание, это другое дело: может быть, я бы и опомнился, впоследствии, от удивления, но уже высказавшись; или я уже так устарел, что не могу восхищаться красотой пирамид! Однако же я засматриваюсь на обломок греческой статуи, на отторгнутую руку или ногу и создаю по ней в своем воображении целое с любовью, как зоолог по одной кости создает давно погибшее с лица земли животное.

Я всходил на самый верх пирамиды, нисходил в глубину ее тайников, везде отыскивал чуда, которым восхищаются путешественники и не найдя его, усталый, воротился домой. Не описываю здесь всех измерений камней, число ступеней, различных входов и выходов в пирамидах, все это, если занимает вас, вы найдете в любом описании *путешествия по Египту*. Не стану также на этот раз описывать других памятников Каира, оставляю их до своего возвращения, а теперь займусь настоящим.

Вице-королю сделалось несколько лучше, и я отправился проститься с ним. Доступ к нему свободен каждому, кто был уже представлен: таков древний обычай востока. Мегемет-Али был все еще слаб, однако, видимо, в хорошем расположении духа, как человек выздоравливающий: ему позволили выйти в приемную комнату и он был окружен посетителями. Усадивши меня возле себя, он расспрашивал о России, о Сибири, шутил, стараясь представить мне настоящее путешествие в приятном виде.

– Здесь, – говорил он, между прочим, – я должен беспрестанно переменять белье от пота, а в Судане едва намокнет оно, как уже и высохло и шелестит будто бумага – крак, крак!

Я ему отвечал, что у нас случается тоже в Сибири: едва намокнет белье и замерзнет, и потом тоже шелестит как бумага – крак, крак! Это замечание долго его тешило.

Тут я увидел, как каждый в свою очередь, хотел развеселить старого пашу, точно балованное дитя: надо, однако, сказать, что Мегемет-Али не употреблял во зло этой всеготовности принести себя на жертву насмешки; он трюнил очень кротко, только глаза лукаво мелькали по сторонам, как бы следя за впечатлением других.

Я пробыл у него около двух часов: эта простота обращения, эта заботливость о моем путешествии, обнимавшая самые мелочи, которые даже я забывал, наконец, его замечания, то детски наивные, то исполненные глубокой мысли, самая наружность, изнеможенная, кроткая, внушающая любовь и сострадание, все это, особенно если представляется в ярком свете его протекшей жизни производит глубокое впечатление...

То, что я написал, отзывается похвалой, но если и похвала, то оставайся она: Мегемет-Али, любопытный ко всему, что пишут о нем, не узнает этого: увы, для него сокрыт свет понимания!.. Притом же, я пишу, что чувствую, и с таким же беспристрастием буду описывать дурное, которого, конечно, довольно увижу на пути своем.

¹ Her. CXXXIV, CXXXVI.

Как не приятно было в Каире, но экспедиция горою лежала у меня на плечах: надо было торопиться; почтенный Клот-бей, Хозрев-бей и некоторые другие помогали мне деятельно в сборах, и через десять дней все было готово.

«Non ut... claram delatus in urbem

Delicias videam, Nile jocose tuus».

«Не за тем приехал я, чтобы принять участие в наслаждениях твоих, О Нил роскошный».

Овидий.

Надобно, однако, заметить, что со времен Овидия, *Нил роскошный* очень изменился и при обыкновенном порядке вещей, путешественник рискует умереть от скуки на берегах его. Я жалел только, что не могу присутствовать на празднествах, которые должны были начаться через несколько дней, когда караваны с магометанскими поклонниками возвращаются из Мекки. Празднества эти заключаются чрезвычайным торжеством, которое можно видеть только в Каире: я говорю о «досе!».

С раннего утра толпа дервишей, со знаменами, стекаются на Эзбекие. Появляется и старый шейх, глава ордена Саадие, сильного и важного в мусульманском мире; тогда человек сто этого ордена кидаются ниц; дервиши других конгрегации укладывают их плотно один подле другого, составляя таким образом из человеческих тел живой мост. Несколько человек, как бы для пробы, пробегают по ним, с криком ударяя в бубен; толпа в благоговении смотрит на чудо. Наконец, шейх, на серой лошади, которую давно уже видят при этих церемониях, в светло-голубой шубе, в темно-зеленой чалме, – принадлежность его высокого происхождения, пускается по телам лежащих; два человека ведут лошадь, которая, заметьте, подкована; один идет по головам, другой по ногам дервишей: всякий, через кого уже прошла лошадь, вскакивает и с криком: «Алла! Алла!» – следует за шейхом. Таким образом, он совершает шествие до своего дома. Говорят, никогда не случается при этом больших бед. Раз, однако, замечает Lane², лошадь заартачилась на этом живом пути и чуть не пошла вскачь по головам лежащих; но и тут он видел только одного дервиша, который, поднявшись, сильно жался и морщился.

² An account of the monnors and customs of the modern Egyptians. By Edward Williams Lane. London. 1846.

Глава IV. Отъезд из Каира и плавание по Нилу до Миние

8/20 января, 1848 года, собралось у меня несколько человек, большей частью русских, близких мне по многим отношениям, присели, затихли, перекрестились... и простились! Но мы еще не расстались; меня проводили до парохода. Двое русских и один француз ехали с нами до Ассуана, первого катаракта, через который не смеют пускаться пароходы: это будет верст 1.000 от Каира.

Пароход дымился; народ шумел и хлопотал на пароходе; при всяком, сколько-нибудь необыкновенном случае суетятся арабы, а тут и подавно: надо было взять с собой все нужное для жизни на долгое-долгое время: на пути ничего не найдешь. Не без грусти глядели на эти приготовления многие, не без удивления европейцы. Мегемет-Али, прощаясь со мной, отечески подал некоторые советы, как беречь здоровье при таком быстром переходе из Сибири к 8 градусам широты.

Раздался звонок, сопровождаемый пронзительным визгом выпускаемого пара. – Прощайте, прощайте! Когда-то увидимся опять и где? Прощай, Каир! Кто-то воротится из нас!.. И пароход, по обычаю египетскому, понесся что было силы у машины, мало обращая внимание на мели Нила и на плывущие встречу и впереиз барки, с которых слышался крик испуга и тщетные просьбы. К счастью, пароход сидел очень мало в воде и был славный ходок, как большая часть пароходов египетских; он был сделан в Англии и только что прибыл в Каир: мы обновляли его.

Материалы и люди, нужные для экспедиции, были прежде отправлены в Фазоглу; со мной ехали: русский молодой натуралист Ц³, доктор, родом славянин, которого придал мне паша, драгоман-араб, воспитывавшийся во Франции, француз – в качестве живописца и архитектора, а вместо фирмана, и гораздо сильнее всякого фирмана, подполковник Юсуф-эфенди, родом черкес; известно как сильно такое олицетворенное повеление для властей египетских; один турок способен разогнать целую деревню арабов. Кроме этих лиц, со мной были русские штейгера, слуги всех возможных наций и цветов, белые, черные, желтые, коричневые и, наконец, метрдотель паши. Таково было наше не большое, но пестрое общество, которое в течение многих месяцев должно было разделять труды путешествия водой, – на пароходе и барке, через пустыни Нубии – верхом на верблюде, на лошади, на осле, наконец, в Судане – пешком и терпеть все превратности экспедиции.

Я уже заметил, что дней на пять общество наше увеличивалось очень приятным для нас образом.

С одной стороны мелькали сады Булака, Роды, одного из лучших садов в свете, город, подымающийся неровною, серою массой и высылающий к небу свои минареты, эти вестники молитвы и раскаяния, цитадель, наконец, горы Макаатама – и все это слилось очень скоро в пустыню, почти безжизненную. С другой – пустыня начинается против самого Каира, даже гораздо ранее и ливийские пески обозначаются ярко; эта пустыня провожает вас далеко, и среди нее, следуя по Нилу, возвышаются тем громадней, тем безжизненней вековые могилы-пирамиды, сначала Гизе, потом Саккара!.. Кое-где мелькнет купа пальм: там значит есть деревенька, но вы ее не видите из-за низменных берегов, или видите какие-то кучки, более похожие на норы сурков, на убежища животных, чем на жилища людей.

³ Ценковский Лев Семенович. – Прим. ред.

Вот, наконец, и бендер, город, говорит с гордостью драгоман, указывая на какие-то развалины; хорош город, нечего сказать! Вот другой, третий, – мимо них. Но вот, наконец, Бенисуэф, один из самых торговых и фабричных городов Египта; он стоит близ канала Бахр-эль-Юсуф, который несет воды Нила, его плодородие и торговлю в оазис Фаюма.

Бахр-эль-Юсуф, или, как обыкновенно его называют все и сам умный Клотбей⁴, канал Иосифа, начинается против монастыря св. Антония. Почему называют его каналом? – не спрашивайте; это одна из тех, освященных давностью истин, в которых никто и сомневаться не должен.

Может быть я смотрю на памятники древнего Египта с другой точки, но я не навязываю никому своего обзора воззрения, даже всячески избегаю ученых столкновений с другими, зная по опыту, что споры почти никогда ничего не доказывают, и, помилуй Бог, как наскучают читателям, которым насильно тычут всякую египетскую, греческую и латинскую мудрость, не для того чтобы научить их, нет, чтобы показать свою собственную ученость; а сам предмет споров остается по-прежнему в неопределенном тумане.

Если бы речь шла только о канале Иосифа, я бы прошел его молчанием, но с ними связан другой вопрос великой важности для древнего Египта, вопрос о Меридовом озере.

Обратимся сначала к каналу Иосифа. Не углубляясь ни в какие исторические изыскания, я укажу вам только на естественную сторону предмета, на тысячи извилин, которыми прокладывает себе путь Бахр-эль-Юсуф, как бы сообразуясь в этом с своеволием Нила, в параллель которого он течет, извилин, которые дадут двойное протяжение канала, против того, если бы он был проведен по прямой, и, заметим, более удобной линии, и спрашиваю вас, какой народ, даже в самом детстве своем (а вам известно, сколько мудрости приписывают египтянам) не поймет этого и станет рыть канал таким образом. Теперь обратим внимание на дно его: везде вы увидите обнажения кварцоватого известняка, составляющего окрестную формацию, которая, как бы сообразуясь с капризным течением потока, то подымается, то опускается, представляя все признаки натурального ложа реки; не говорю уже о несоразмерной и разнообразной широте Бахр-эль-Юсуфа, не свойственной каналу; это еще можно кое-как пояснить обвалами берегов и наносами ила.

Кажется этого достаточно для убеждения в том мнении, что канал Иосифа есть просто рукав Нила: таких рукавов множество; река, стесненная естественными преградами, отделяет от себя излишек вод, который прокладывает сам себе путь, пока не представится удобного склона, чтобы вновь войти в лоно матери-реки.

Отчего же, спросят, называется этот рукав по имени Иосифа? Разве мы не видим и теперь, что воздвигаемые города, открываемые земли носят названия людей, которые ни сколько не причастны ни к построению первых, ни к открытию последних. Притом же, тут есть действительно небольшой канал, проведенный от этого рукава в Фаюм; если этот канал, древность которого несомненна, вырыт по приказанию Иосифа, то этого довольно, чтобы и весь рукав носил его имя.

Рассмотрим теперь вопрос о местонахождении Меридова озера, в которое, будто бы, канал Иосифа вел воды Нила.

До сих пор за Меридово озеро принимали находящееся в Фаюме, древнем Арсаноите, озеро Биркет-эль-Керун. Самое геологическое строение берегов озера убеждает в том, что оно обязано существованием своим естественным причинам, а не рукам человеческим; но это было бы слишком простое, хотя и ясное опровержение укоренившегося мнения; нужны изыскания исторические, чтобы опровергнуть убеждения, основанные на показаниях древних и умный Линан-де-Бельфон хорошо понял это; он посвятил большую часть своей бро-

⁴ Стр. 360-я 2-го тома, изд. 1840. Apercu general sur l'Egypte.

шюры⁵ для опровержения гипотезы, и доказал древними же писателями всю несообразность ее, поколебал на всех пунктах, разрушил в основании и потом рассыпал самый прах: теперь ей никто более не верит. Я отсылаю любопытных к умной брошюре. Они прочтут ее еще с большим удовольствием, чем ученые изыскания известного Жомара, напечатанные в огромном издании об исследованиях Наполеоновской французской экспедиции в Египте.

Казалось, почтенный Линан-бей на этом мог бы и остановиться, – нет! Увлечшись изысканиями древних, ступивши на соблазнительную и скользкую для многих ученых почву, он уже не мог устоять и понесся по ней без оглядки. Ему нужно было непременно найти Меридово озеро, его робкому воображению казалось страшным остаться без этого памятника египетской мудрости, страшно оставить свет без этого чуда света, к которому с детства вы привыкли, как к какому-нибудь колоссу Родосскому, к баснословным садам Семирамиды или Вавилонскому столпотворению. И вот Линан стал искать везде суррогат Меридова озера. Разумеется, первой заботой было пригнать его к такому именно месту, чтобы к нему приходились и лабиринт, и пирамиды, и дорога из Мемфиса, и Крокодилополис, словом, сколько возможно, все разнородные показания древних писателей; он долго искал такой пункт и, вообразите его радость, – отыскал!.. Чего, подумаешь, не сделает умный человек с доброю волей! Когда я говорю, что он отыскал Меридово озеро, то не думайте, чтобы это было *озеро*, сообразно с вашими старыми понятиями об озерах: нисколько! Во-первых, в нем нет и капли воды, во-вторых, оно образует равнину; но, надеюсь, что для такого важного открытия, вы можете сделать маленькие уступки. Что же служит естественными указаниями озера?

Г. Линан отыскал в нескольких местах груды камня и кирпича, приписываемые им древним работам, которые, по его мнению, должны были составлять крепь озера. Хотя весь Египет состоит скорее из развалин, чем из жилых мест, однако автор, открыв желанные указания, проводит по ним черту, дополняя воображением те места⁶, где линия должна оборваться за неимением данных, и, таким образом, обрисовывает площадь, к которой как нельзя лучше приходятся обозначенные древними пункты. Я с намерением указал на страницу брошюры, чтобы могли поверить мне, не выставляю же здесь имен деревень и урочищ, через которые проводит свою линию Линан, потому что никто не обязан знать географию Фаюма во всех его подробностях.

Следуя тактике Линана, мы, в подтверждение своего мнения, сошлемся на тех же древних писателей, которых он приводит в свое оправдание. Геродот полагает окружность озера в 3.600 стадий.⁷

Так как это пространство действительно огромное, то мы охотно готовы согласиться с другими, что здесь речь идет о малых стадиях, которые равняются 99,75 метрам, что все-таки составит площадь в 359.100 метров.

В переводах древних измерений на новейшие, мы везде будем следовать Жомару, как самому добросовестному исследователю, и потому удерживаем французскую меру, чтобы каждый мог проверить нас.

Диодор повторяет то, что сказал Геродот;⁸ показание Плиния,⁹ с небольшими натяжками можно подвести под тот же уровень. Зато Помпоний-Мела¹⁰ дает совсем другую меру озеру.

⁵ Memoire sur le lac Moeris, etc. Alexandrie. 1843.

⁶ Стр. 19 брошюры.

⁷ Herod. lib 11, cap. 149.

⁸ Diod. Lib. 1.

⁹ Plin. lib.V.cap.9.

¹⁰ Pomponius Mella, de situ Orbis, lib. 1. cap.9.

Мы основываемся, конечно, на указании Геродота, признанном за достовернейшее.

Итак, мы сказали, что площадь Меридова озера по Геродоту занимает 359.100 метров. Глубина его 50 оргий,¹¹ что составляет почти 92 метра.

После этого уже вам не трудно будет самим вычислить, сколько нужно вынуть земли, чтобы получить бассейн указанных размеров, и вы увидите ужасающую цифру в тысячу миллиардов кубических метров.

Не говорю уже о том, что подобный труд почти вне человеческих сил, особенно для одного царствования, спрашиваю только, где девалась огромная масса вынутой земли, которую не только 40 веков, 400 не в силах изгладить в стране, где почти не бывает дождей?.. Нет даже следов ее, между тем, как заметны еще бугры по берегам небольших каналов фараонова времени.

Этого еще мало: Меридово озеро существовало для отвода излишка воды во время прибыли Нила и для снабжения его водой во время значительной убыли. Геродот говорит: шесть месяцев воды Нила текли в озеро, шесть месяцев воды озера текли в Нил и, заметьте, одним и тем же каналом. И после этой басни, показание его разбирают серьезно. Первый взгляд на страну убедит вас в невозможности выполнения подобного условия. Но это еще не все. Вычислив количество воды, протекаемой в минуту во время наибольшей прибыли в Ниле и приняв в соображение пространство и глубину озера, вы увидите, что весь Нил на некоторое время нырнет в него и нижний Египет останется без воды. Линан-бей слишком сведущий инженер и легко сделает поверку моих слов. Но ученый автор брошюры скажет, и даже говорит, что Геродот ошибался в вычислении окружности, что он еще больше, еще грубее ошибался в показании глубины. А! Здесь так он ошибался, когда вам это нужно; почему же не ошибаетесь вы, или почему уже заодно не сказать, что отец истории ошибался в предположении искусственного Меридова озера, что это басня, которую сказали ему жрецы, тем более, что, как очень справедливо заметил г. Линан, древние египтяне были также хвастливы, как и нынешние. Они ввели Геродота не в одну ошибку, Геродота, которого некоторые географические указания и теперь поражают своей точностью и верностью. Очень вероятно, что Мерид вырыл канал, который через посредство Бахр-эль-Юсуфа отводил излишние воды Нила в озеро Кейрун. Благодетельное влияние этой меры для жителей провинций, выше лежащих, исполнило удивления, благоговения к фараону, не верили, чтобы один канал мог принести такую пользу, считали, что он сотворил чудо; слух о нем мало-помалу превращался в басню, которой способствовали жрецы и, наконец, эта басня рассказана была за действительность Геродоту, а тот сообщил ее на удивление свету. За Геродотом повторяли другие историки, которые, не находя в Фаюме другого озера, кроме Кейрун, приняли его за искусственное, как, вероятно, принял и сам Геродот.

Да как же быть, спросите вы, неужели и остаться совсем без Меридова озера?

Не знаю, как вы, а я решительно не верю в него! Да и откуда возьмется у египтян, – не в обиду будет сказано их мудрости, – знание гидравлических работ в такой высокой степени, чтобы они могли устроить шлюзы и вообще выполнить эту гигантскую работу, когда целые пустыни, находившиеся так сказать в центре Египта, оставались без возделывания, потому только, что требовали несколько сложной системы канализации.

Возвратимся в Бенисуэф.

По части фабрик Бенисуэф славится коврами, бумажными тканями, разумеется, самыми простыми, милаями, – полосатыми бумажными материями, употребляемыми особенно женщинами для верхней одежды. Он еще знаменит своим именем, потому что Бенисуэф значит сыны сабель; этим он обязан совсем не храбрости своих сынов, как бы можно заключить из названия: здесь некогда дрались другие и повершили дело на саблях. Нако-

¹¹ Her. Lib. 11, cap.149.

нец, Бенисуэф стоит на месте древнего Птоломейдона. К такой важности присоединяется еще то, что в городе очень дешевы бараны, и эта последняя примечательность более других заставила нашего начальника квартиры просить позволения остановиться на час времени. Нельзя было не согласиться ради стольких причин. Юсуф-эфенди немедленно отправился за провизией к местному начальнику, а мы пошли в город.

Было около 11 часов. Полная луна и толпы звезд светили из всех сил, не знаю только для кого, потому что в улицах не было ни духа: словно вымерший город, а в нем было до 8.000 жителей; это было подобие Помпеи, какова она теперь. Странно было видеть без прищипки дома без крыш, часто до половины разрушенные, без окон, дома, в которых с трудом отыщешь какую-нибудь лазейку, служащую дверью, а иногда и вовсе не отыщешь ее, эту путаницу лавок, жилищ и мечетей, составляющих как бы что-то общее, без раздела, без затворов, а между прочим, ничего в них не видишь, ничего не слышишь. Наконец, присутствие людей на улицах в такую необыкновенную пору, и, главное, людей европейских, которых собаки чуют издали, пробудили и возмутили более беспокойную из них: она подняла лай, ее примеру последовали другие и скоро сверху, снизу, из-под ног сыпались и выходили собаки, которые гнались за нами до парохода. Людей все-таки мы не видали. Домов, в полном значении этого слова, и даже хороших домов видели несколько; все они принадлежат или туркам, или торговцам, поверенным Мегемет-Али и Ибрагим-паши.

Еще до Бенисуэфа природа несколько оживляется. Деревни видны чаще, по берегам мелькают где верблюды, где буйволы, или бараны. Сакии повсеместны и всегда в работе; посевы сахарного тростника желтеют полу созревшие: значит мы невдалеке от огромной сахарной фабрики компании Ибрагима, Камиль-паши и людей близких Мегемет-Али, с которыми ему не стыдно быть заодно по торговым делам. Тут уже не рощи, а целые леса пальм. Пальма красива одна, отдельно стоящая среди здешних безжизненных пустынь или в купе трех, четырех; но целый лес единообразен, почти без тени, без яркой зелени, без примеси других деревьев. Сикомор попадает редко, всегда одиноко, у сакии, чаще у могилы святого. Эти могилы благодетельны для правоверных, ровно как и для неверных; возле них всегда тень, а иногда даже и вода, поставленная набожным человеком. Нетрудно быть признанным за святого у магомметан; мы встречали разного рода их: тот ни разу не осквернил вод Нила, не плюнул в них, не выбросил никакого сора, даже кажется не делал своих умовений нильской водой, – и вот, многоуважаемая его могила возвышается в Миние; другой не пролил крови, даже курицы, не убил мухи, – и он святой. В Миние есть еще могила святого, который удерживает крокодилов по Нилу: далее его могилы, не переступал ни один крокодил; только до Жирже показывается это чудовище во всеувидение, и чем выше, тем чаще; я еще не видал крокодила, хотя мы уже давно оставили Минию.

Гряда невысоких гор подходит к правому берегу Нила в Атфе и уже не оставляет его, служа гранью разлива и оплотом плодородной полосе против песков: она известна под именем аравийской цепи; другая гряда, ливийская, идет с левой стороны по течению Нила, за Юсуфовым каналом и потому почти не видна.

Мы забыли указать монастырь св. Антония, пониже немного Бенисуэфа, на противоположной его стороне; это монастырь коптов греческого исповедания, но если вас не предупредят об этом, то не скоро догадаетесь. Только крест, этот символ спасения, который во время службы беспрестанно выносят из алтаря, указывает значение места. Одежда, смесь языка арабского и коптского, сама церковь, поражает вас странным образом: это не нищета, а запустение! Монастырь св. Антония стоит в живописном положении, на крутом, обрывистом берегу.

О Миние можно сказать то, что и о каждом египетском городе, исключая Александрию и Каир, то есть, что он хуже предшествовавшего. Во время путешествия вверх по Нилу это

становится более и более заметным, до тех пор, пока, наконец, вы достигнете Судана, где люди и звери живут и промышляют заодно, как мать-природа их научила.

Глава V. От Миние до Эсне

Как хороши ночи, как теплы, звездометны! Являются новые звезды, а наши северные горят иначе; днем жарко: 20 градусов в полдень – очень обыкновенно. На небе порой расхаживают тучи: не надо забывать, что это зима, что январь месяц только в половине. Наш пароход несется быстро, спотыкаясь о мели; того и смотри, что втиснется носом в илистый берег Нила, из которого его нескоро вытащишь. Капитан парохода – араб; знания его ограничены; к этому присоединяется беспечность араба, который, как угорелый, равнодушно смотрит на все совершающееся перед ним, повторяя: «Аллах керим! О чем же хлопочут эти Московы и куда торопятся? Ведь как написано там, свыше, так тому и быть. Инш-Аллах!..». Сколько раз благодарил я мысленно Мегемет-Али за то, что он дал мне пароход; во-первых, мы проехали в день то, для чего обыкновенно нужно пять и шесть дней на барке, во-вторых, он дал мне возможность увеличить наше общество несколькими русскими еще дней на пять.

Конечно, слышали и прежде берега Нила русскую речь, видели русского человека, хотя изредка, но верно в первый раз услышали хоровую русскую песнь. Время шло быстро, незаметно. Предметы сменялись другими предметами. Деревни, города бежали от нас, как бы угадывая, что мы едем с нарочным приказом от паши. Хуже всего в этих городах и деревнях то, что они имеют вид высушенной грязи, и это по весьма естественной причине: они выстроены из грязи, или из кирпичей, сделанных из ила, с небольшою примесью соломы и высушенных на солнце. Одно несколько разнообразит их – это голубятни, возвышающиеся в виде перешниц, выбеленные и даже выглаженные. Голубятен множество повсюду; голубей здесь едят, ими торгуют, между тем как в Константинополе, в Мекке, считается преступлением убить голубя. Есть деревня Бурач, на левом берегу Нила, которую мы недавно проехали: в этой деревне поставлено правилом не позволять никому жениться, пока не обзаведется своей голубятней. Вот что однажды случилось по этому поводу.

Некто, Мугаммет-Али или Али-Мугаммет, (здесь Мугаммет-Али и Али-Мугамметов больше, чем у нас Иван Ивановичей), захотел жениться, а голубятни нет. Вот он идет сначала к отцу невесты, а потом к муле. – А где твоя голубятня? – спрашивает последний!..

– Нет, а скоро будет.

– Тогда и женишься.

– Отец не станет ждать с дочерью.

– Выберешь другую.

– Никто другой не отдаст за меня, потому что я беден. Мула призадумался, однако, отпустил его с отказом.

Через несколько времени Али-Мугаммет приходил к нему опять: тот же вопрос. Молодой человек отвечал утвердительно. Мула пошел удостовериться и увидел, что жилище жениха превращено в голубятню.

– А где ты станешь сам жить?

Этого закон не спрашивает, – отвечал Мугаммет-Али, и вслед за тем женился, устроив брачное ложе в какой-то норе, которую накануне вырыл.

В домах большей части крестьян вы ничего не увидите, разве какой горшок, да множество детей; обломок пальмы служит мебелью, а рогожа из пальмовых листьев – ложем; рогожа почти у каждого есть, более или менее тонкая, смотря по богатству хозяина; да и зачем ему иметь больше этого? – или турок возьмет, или Нил унесет во время разлива. Впрочем, надо правду сказать, что причиною нищеты, не столько налоги, – налоги, как увидим, не так значительны, – сколько злоупотребление властей, а больше беспечность арабов.

Нас очень забавляли беспрестанно встречавшиеся плоты глиняной посуды, сплавляемые с верхних частей Нила: это довольно остро придумано. Тысячи горшков и кувшинов,

гули, связанных в три слоя, нижние обращены вниз горлами, плывут себе в виде огромного плота, саженой в 15 длиной и почти такой же ширины; четыре полунагих гребца распрягаются наверху; в руках у них, вместо весел, пальмовые ветки, кое-как перепутанные и связанные в конце, и так проплывают вниз по Нилу какую-нибудь тысячу верст. При приближении парохода они стараются уйти как можно далее, в сторону, потому что волнением плоты коробит как листья; воображаю, что с ними делается во время сильного ветра, – а ветры бывают довольно сильные на Ниле.

Мы останавливались каждый день на несколько часов, чтобы запастись каменным углем. Это приходилось, конечно, в главнейших городах. Сиут один из самых значительных городов в Египте; в нем 20.000 жителей. Сюда укрылись некогда возмущившиеся мамелюки и придали ему вид независимости, каким еще недавно отличались его жители; Но Мегемет-Али умел подвести их под общий уровень: не то чтобы он придал влияние народу, чтобы уравнил его в правах с образовавшеюся здесь самовольно своего рода аристократией, приподнял стоявших очень низко на ступенях гражданства, а притиснул к ним тех, которые высывали из-за них высоко свои головы, приведя всех к одному общему знаменателю: это своего рода равенство. Раз спросил я греческого священника, не притесняют ли его паству магометане?

– Нынче нет разноверцев в Египте, – отвечал он, – у Мегемет-Али все равны.

– И всем хорошо? – продолжал я спрашивать. Осторожный грек ничего не отвечал.

Сиут опрятен, чист. Между домами резко отличается дворец, где жил Ибрагим-паша, когда был правителем верхнего Египта. – Нынешний город стоит на месте древнего Ликополиса.

Жюрге был также довольно значительным городом, но Нил мало-помалу срыл едва ли не третью часть его. Нынешний город стоит недалеко от древней Птоломеи и некогда служил столицей сеидов. Нынче в нем едва ли есть 9.000 жителей, считая и принадлежащих к бумажной фабрике Мегемет-Али.

Я посетил эту фабрику и осмотрел во всей подробности. В ней работают до 700 человек ежедневно; плату они получают задельную, с количества пряжи и со штуки бумажной материи, что приходится копеек пятьдесят ассигнациями в день, – плата значительная по здешнему. Помещение просторное, чистое, люди одеты опрятно, имеют веселый, здоровый вид и работают так ловко, как бы не ожидал от арабов! Как сообразить это с повсеместной нищетой и с тем, что вообще слышишь и видишь кругом. Таким образом, описывая только то, что представляется глазам, не притягивая своих убеждений силою к прежде составленному мнению, невольно будешь иногда себе противоречить или колебаться в определении вещи, пока наконец ряд долгих, к несчастию слишком долгих опытов, не позволит вывести положительного заключения.

Мы были в католическом монастыре. Человек в чалме и полу-турецком, полуарабском, довольно щегольском наряде встретил нас: – это был священнослужитель, монах францисканского ордена, родом из Тосканы. Церковь хороша, но богослужение слишком искажено: хотя все-таки меньше того, что мы видели в монастыре св. Антония.

В отвесных скалах песчаника, сопровождающих течение Нила, чернеются пятна, иногда видны колонны: это древние некрополисы или пещеры, в которых некогда скрывались христиане от гонений, и многие, многие из этих пещер ознаменованы мученической смертью страдальцев. Грустно подумать, что в годину страшных бедствий, в самом начале своем, христианская церковь распространялась шире и быстрее чем нынче, во время совершенной веротерпимости.

В Кене есть агент нашего генерального консульства для покровительства русских магометанских хаджи, поклонников, отправляющихся обыкновенно отсюда, через Коссейр, в

Мекку, этот агент – коптский купец, агент почти всех держав. Кене находится за полчаса от Нила, на грязном канале и не представляет ничего хорошего.

Наконец, единообразие рощ финиковой пальмы, *Phoenix dactylifera*, оживилось появлением нового вида пальмы, известного здесь под именем дума, *Cucifera thebaica*. Это единственная ветвистая пальма; она довольно тениста, с яркою, желтоватой зеленью; широкие, остроконечные листья торчат пучками вверх; плод большой, с ядром в середине, заключающим в себе приятную жидкость: сам плод терпкого вкуса.

Мы посетили древние Фивы, посетили Луксор и Карнак, и утомленная душа опять пробудилась... Я уже не думал, чтобы что-нибудь могло поразить меня в такой степени. Вилькенсон почти прав, говоря, что это самые огромные и самые великолепные развалины древних и новых времен. Шамполион младший, восхищенный чудным зрелищем этих развалин восклицает: «Я удержусь описывать здесь что-нибудь; мои изображения или не достигнут и тысячной доли того, чем они должны быть, или, наконец, если я представлю хотя легкий эскиз, лишенный красок, то прослышу энтузиастом и может быть даже сумасшедшим.»

Я не стану здесь описывать древних Фив подробно: они требуют глубокого изучения; на обратном пути посвящу несколько дней осмотру их и может быть несколько страниц описанию. Теперь представлю вам один очерк престольного города фараонов.

Из Луксора к развалинам храма и дворца Карнака ведет ряд сфинксов, целая улица сфинксов огромного размера, перед которыми два наших были бы карлики; но все это изуродовано, избито, до половины занесено песком. Вы вступаете в Карнак между пилонами, вполне сохранившимися и покрытыми иероглифами снизу доверху. Отсюда открывается направо целый ряд колонн, таких размеров, до которых нынче и приблизиться не смеют; сквозь них светится яркая полоса Нила, осыпанная лучами заходящего солнца, а далее, за ней, стовратые Фивы, которые разбиты, разметаны до того, что едва видны остатки их. Только так называемая статуя Мемнона, да еще другая стоят у некрополиса, поля смерти.

И все это под чудным, прозрачным небом, на горизонте которого ярко рисуются отдельные купы пальм; тут именно, у этих величавых развалин, при этих важно задумчивых лицах сфинксов, под веянием тайны окружающей вас отовсюду, именно тут у места эти пальмы.

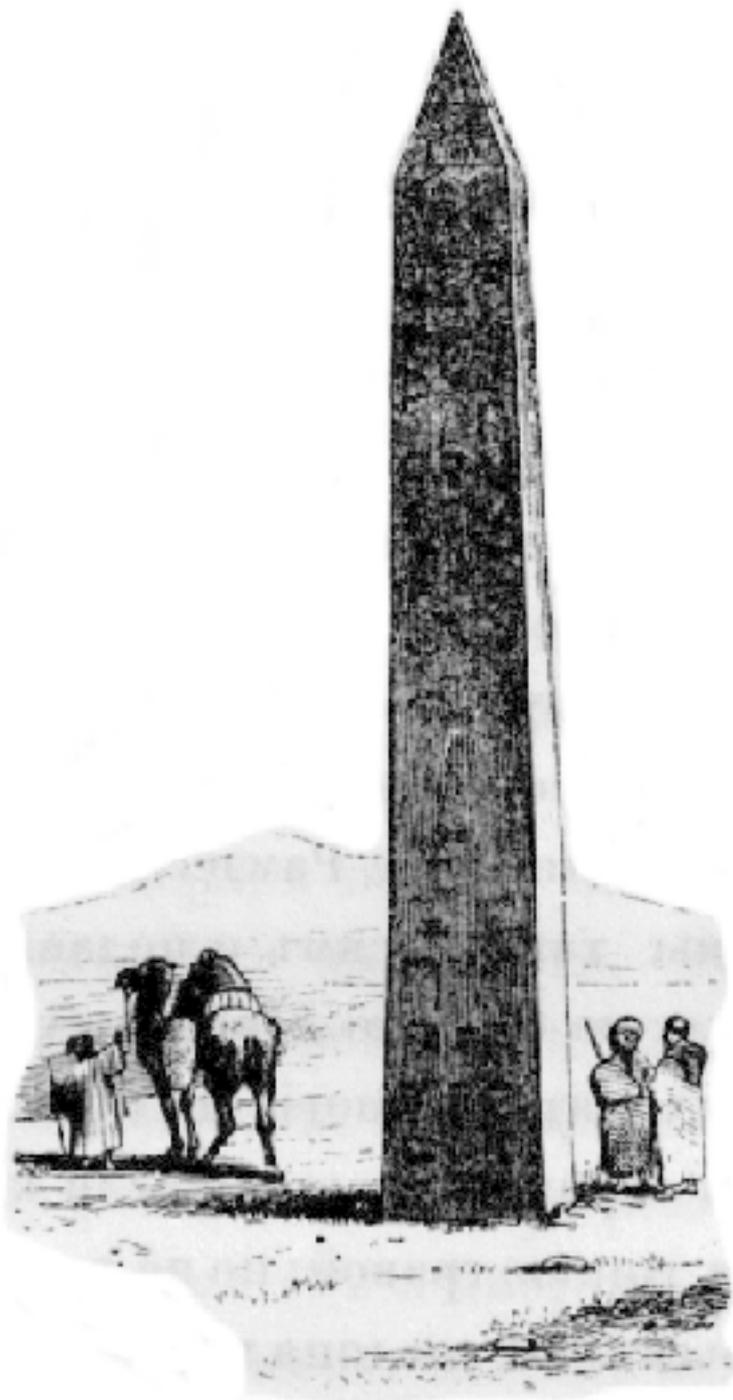
Обратимся к Карнаку. По уцелевшим во многих местах стенам, по сотне колонн, еще стоящих и поддерживающих капители чудовищных размеров, по обелискам, из которых один только стоит в первобытной красе своей, – от других остались обломки или цоколи, – по всему этому вы легко представите себе целое: одна зала почти равняется размерами церкви св. Петра в Риме! А груды наваленных камней, поражающие своею огромностью, показывают ясно чем она была обставлена. Тут нет мазанок арабов, кроме прильнувших с левой стороны, в виде ласточкиных гнезд, и это дает возможность обнять все место развалин с одного раза. Не то в Луксоре. Вы должны отыскивать стены храма по всей арабской деревне, на которую стает их; там примкнута изба, там высится голубятня; комната древней гробницы служит жилищем целой семьи; под портиком помещается хлебный магазин паши.

В Луксоре поражает вас обелиск: это лучший, какой мне случалось видеть; другой, соответствующий ему, находится в Париже; примечателен также гигантский сфинкс. Луксор, подобно Карнаку составляет последовательный ряд памятников, из которых древнейшие времен Аменофиса III, а позднейшие Рамзеса. Еще ряды колонн рассеяны там и сям и подавляют своей огромной массой бедную деревушку, среди которой теперь находятся; многие до половины занесены песком и сором; иные поросли колючим кустарником и тощею травой; но не видно и следов моста, которым бы соединялась эта часть города с находящеюся по правой стороне и некрополисом; если мост существовал, то, вероятно, на пантонах, а скорее всего через Нил переправлялись в лодках.

Глава VI. Альме в Эсне и вообще женщины на Востоке

Мы уж кажется имели случай заметить, что египтяне предназначены Мегеметом-Али к роли очень незначительной в системе общего управления Египтом; впрочем, такова была судьба арабов при всех завоевателях; так уже определено свыше, говорят они с удивительным самоотвержением. Все должности, даже второстепенные в руках турок, или бывших рабов черкесов, мамелюков, как называют здесь вообще белых рабов, наконец, греков и армян. Египтяне всех цветов и многообразных племен служат в рядах солдатами или в нижних офицерских чинах, в деревнях – это феллахи, бедные феллахи. . . А между тем многих из них образуют в школах, часто даже за границей, и все-таки не определяют ни к каким административным должностям! Впрочем, едва ли они и способны к чему другому. В египтянине нисколько нет чувства самоуверенности, нет силы воли, характера, нет и тени личного достоинства и уважения к себе. Не есть ли это последствие постоянного унижения и рабства, в котором они издавна находятся? По окончании курса наук, арабы, берберы, копты и другие туземцы поступают иногда учителями в школы, чаще служителями к Мегемет-Али и его пашам, переводчиками и наконец надзирателями фабрики. Много, много что поручают им наконец самим управление фабрикой, пароходом или другим небольшим судном.

Если в таком положении находится мужская половина египетского населения, то женская, которая на востоке вообще, а на магометанском востоке и того более считается породю низшего разряда, которая если не исключается, то избавляется во многих случаях даже от молитвы и обрядов религии, как недостойная ее, как такая, на которую Бог не обращает внимания, женская половина в Египте унижена более, чем где-либо. Аристократия, т. е. турки берут себе жен из своего круга, а чаще невольниц из гор Кавказа, из Греции, или абиссинянок. Белизна тела – необходимая принадлежность красоты для турка; туземные женщины без исключения и разделения принадлежат к низшему классу жителей. А между тем, между ними много хороших: они высокого роста, стройны, хорошо сложены, цвету коричневого, пепельного, или смуглые, смотря потому, какому племени принадлежат, с прекрасными белыми зубами, с чертами лица, не резкими, сглаженными, далеко отличающимися от лиц Нубии Сенаара, как увидим ниже.

Обелиск, рис. Тим, рез. Д.

Стареются скоро: в 10 лет часто уже выходят замуж; в Сенааре – в 8. В городах женщины закрывают лица; в деревнях редко. Апатия и лень – свойства также общие между ними, как и между мужчинами.

Некоторые французские писатели распространили мнение, что необразованность, фанатизм и нетерпимость на востоке зависят преимущественно от отсутствия из общества женщин, их заточения, невольничества. Постараемся доказать неосновательность такого мнения. Во-первых, женщина на востоке не невольница: это пора бы узнать по крайней мере тем, кто берется о ней писать, разве названию невольницы придадут слишком обширное значение. Она выходит или выезжает из-дому, смотря по ее состоянию, когда хочет, посещает

бани, базары, делает визиты своим приятельницам, не спросясь мужа, и конечно без него; потому что выйти в сопровождении мужчины ей также предосудительно, как у нас выйти без мужчины, одной: это предубеждение, предрассудок, как и всякий другой, без значения и последствий. Более, муж, увидевши у порога комнаты своей жены папуши посетительниц, не посмеет войти в комнату, ни спросить об имени гостей. Женщина выбирает знакомства по сердцу, во все не справляясь с *интересами* супруга, и никогда, ни один муж не решился употребить ее орудием для достижения своих целей, хотя на востоке это было бы одно из действительнейших средств, и только сила или слишком хитро веденная интрига могут извлечь женщину из чужого гарема. Женщину в гареме окружает возможное довольство, даже роскошь, если муж богат. Всегда умеренный в желаниях, сам он живет в комнатах, где едва есть бедный диван, одевается просто, не тратит денег для себя и жертвует всем для украшения гарема: это его земной рай, в котором он проводит большую часть свободных часов. Только объевропеевшиеся турки ищут развлечения в обществах. Придайте этой жизни хотя несколько колорита, энергии чувств, а не одной чувственности, и вы поймете, какого значения *могла бы быть* домашняя, внутренняя, сосредоточенная около одного предмета жизнь восточной женщины; потому что здесь, как и у нас, это не больше как условленный раздел занятий между мужем и женой: муж несет обязанности общественные, если он поставлен в уровень с ними, или хлопочет о прокормлении семьи, если этой работы достаточно, чтобы поглотить его деятельность; жене отдана лучшая, но и труднейшая часть: семья, попечение о муже, о том, чтобы вознаградить его раем домашней жизни за труды, страдания, лишения всякого рода, борьбу нескончаемую, которую он ведет в этом водовороте света, между тем как она, женщина востока, наслаждается миром в своей семье.

Да, пускай вспомнят обвинители мнимого невольничества женщины на востоке, каких страданий, скольких мучительных страстей избавлена она! Если спросить откровенно многих из наших женщин, посвятивших жизнь свою обществу, что вынесли они из него, что оставили в нем? – Вынесли преждевременные морщины, расстройство нервов, оставили часть своего истерзанного сердца и нередко поруганное имя... О, как бы они были счастливы, если бы никогда не знали этого общества. Послушайте, что говорит одна из умнейших женщин, французская писательница: «Это бремя условий, лицемерия, принуждения, которое несет женщина, способно убить самую пламенную душу: она – рабыня света, рабыня мужа, рабыня обязанностей, и за все это не имеет никаких прав, кроме притворного поклонничества мужчин, которым всякая умная женщина должна оскорбляться, потому что в нем или снисхождение к ее слабости, или покушение на ее доброе имя; повторяю, – она рабыня, какой была тысячу лет тому назад, только сознающая свое рабство», и так далее. Вот голос более тихий, более простой, но не менее убедительный русской писательницы – девушки: «Ни одно существо так не связано и не поработчено приличием, как девушка и ни на ком не лежит так тяжело карающая власть света. Она обязана жить беззаботно улыбаясь, тогда как она живет без пользы себе и другим, без цели, без занятий.» – Это не пустые фразы, но голос, исторгшийся в минуту откровения из глубины сердца. Это факт, который сердце вписало кровью в протокол женского приговора, и потому я привел его в свидетельство своих слов.

Я слишком далек от того, чтобы проповедовать изгнание женщины из общества, но во-первых, думаю, что у нее и без того слишком большие, важные, святые обязанности, и что она, посвящая себя свету, приносит жертву, которую общество не умеет достойно ценить. Во-вторых, может быть скажут, что эта-то жертва и очищает общество, что она для него необходима: укажу на одну из просвещеннейших держав, которая умела достигнуть своих высоких целей без участия женщины, и в какое время? когда весь свет более или менее был погружен в невежество. Я говорю об Испании магометанской, времен владычества аравитян, по изгнании которых в одной Кордове духовенство публично сожгло 1.200.000 книг! Теперь едва ли во всей Испании найдется столько книг, говорю об Испании, калифы которой за мир

требовали книг и воевали для покорения просвещения!.. Женщина в то время играла между ними почти ту же роль, которую она играет теперь на востоке, между тем, как в остальной Европе, ее уже воспевали, ее боготворили.

Взглянем на вопрос с другой, более материальной точки зрения: участие женщины в обществе породило в одной Франции тысячи преступлений. В Турции в 1847 году было 20, в Египте 18 женщин сужденных и осужденных. Верьте после этого, что женщины умягчают нравы! все, или почти все, были судимы за гаремные преступления, измену супружеской верности, за что у нас и не судят, за отравления, побудительной причиной которых была ревность. Правда, эти гаремные преступления бывают иногда ужасны, но разве история с Лафарж и другие подобные ей совершились не на наших глазах.

Повторяю, что я вовсе не гонитель женщин из общества, но совершенно убежден, что не отсутствие их причиной невежества востока; – имели же турки и без них высокие добродетели, еще и ныне имеют некоторые; убежден что женщина на востоке не невольница, не вечная страдалница, она даже часто имеет влияние на общественные дела, как например, теперь, в Константинополе, в самом дворце султана.... Она в некоторых случаях унижена, особенно если смотреть на предметы с европейской точки зрения, но мысль о ее неприкосновенности, заключается в самых нравах мусульман: таким образом, преступник, достигший порога гарема султана, и вообще своего судьи, по закону прощается: он под покровительством женщины....

Вот если нам будут говорить о важности образования женщин на востоке, то мы с этим совершенно согласны, во-первых, по весьма естественной причине, что образование хорошо во всех народах и в обоих полах, во-вторых, дети здесь остаются долее, чем у нас под влиянием женщин, живя в гареме. Но, скажут, коран противится образованию женщины: это одно из общих мест, весьма несправедливо усвоенных европейцами. Нет свода законов сговорчивей корана; он разрешает все; стоит только порядочно растолковать его. Блестящим доказательством может служить нынешнее правление Мегемет-Али: чего не разрешил коран, чего не простил ему! Вице-король, как бы желая показать торжество свое над святою книгой, над книгою книг, подстрекаемый неутомимым Клот-беом, решился основать училище для образования повивальных бабок, и это теперь одно из лучших учебных заведений; мусульманки учатся медицине и анатомии, девочки, которые еще недавно ни за что не решились бы показаться без покрывала мужчине, с открытым лицом слушают самые странные речи франков, и – торжество торжеств, – своими руками разрезают труп человеческий; труп, – святыня, неприкосновенность, под ножом мусульманки!.. После этого нельзя не согласиться, что коран разрешит все; надо только уметь взяться за него, и Мегемет-Али мастер этого дела. Паша умел убедить свое духовенство, некогда сильное, доставившее ему власть и доверие в народе, что он гораздо лучше распорядится богатым имуществом мечетей и отобрал его себе, выдавая муллам, что заблагорассудит из милости, и таким образом распоряжаясь им по произволу; вследствие чего оставил мечети на жертву разрушения под тем предлогом, что грех прикасаться к святыне нечистыми руками мастеровых.

После всего сказанного мною, не странно ли встретить в Египте, Альме и Гавазе, что нынче слилось в одно и то же и нравами и одеждой. Общий уровень, под который не подходит только паша, в Египте составляет условие и закон жизни, едва ли не важнейший самого корана. Альме и Гавазе платили некогда подать наравне со всеми женщинами сомнительного поведения: эта отрасль промышленности приносила вице-королю огромные суммы. Разврат, особенно в Каире и Александрии, превосходил всякое описание. Муллы, люди с нравственностью не совсем гибкою и европейские консулы, возмущенные зрелищем соблазна, беспрестанно представлявшегося во всеувидение на площади Эзбекие, старались убедить вице-короля уничтожить этот нового рода откуп, но тщетно. Наконец один дервиш решился на дело смелое. Об руку с Альме вышел он на дорогу, по которой должен был проезжать паша;

завидя его, дервиш расположился со своей спутницей в положении самом соблазнительном. Мегемет-Али приостановился; дервиш продолжал свое дело, не обращая ни на кого внимания... Наконец паша велел прикрыть обоих бурнусом и поехал дальше. Редко увлекаемый первым чувством гнева и обдумав происшествие, он увидел, что не в праве был наказывать дервиша, потому что сам поощрял разврат. Как бы то ни было, это ли обстоятельство, настоятельное ли требование других было причиною, только паша отменил подать с женщин и тогда началось на них ужасное гонение. Не только торгующие собой, но даже те, которые были как-либо причастны к этой торговле изгонялись из Каира; их били, ссылали в далекие провинции; Альме и Гавазе, без которых прежде не обходился ни один праздник правоверных, были сосланы в Эсне. Не знаю, почему именно Эсне избран для их местопребывания, но здесь они, на правах ссыльных, получают солдатский паек и даже отправляют прежнее занятие танцовщиц, разумеется только для любознательных путешественников, стремящихся с такою жадностью поучиться всему в далеких странствованиях своих и достигающих до Эсне с единственною целью испытать сильные ощущения, доставляемые этими женщинами. Таково уже кочующее племя путешественников! У вторых порогов оно однако исчезает, возвращаясь отсюда домой, где с гордостью рассказывает, что оно переступило через тропики, видело пирамиды, крокодилов, Фивы и Альме!..

Почти все Альме и Гавазе собрались в доме, где мы остановились. Тут были сирийки, гречанки, коптки и наконец сама София... София некогда была любимицей *важного лица* и несмотря на открывшуюся измену, так легко за нее поплатилась. Привели музыку: эта восточная музыка известна: скрипящая, жужжащая, гремящая; она состоит из разных барабанов, чего-то вроде скрипки об одной струне и дудки и тем лучше, чем сильнее подирает по коже своими звуками. Альме сначала пели, потом две из них вышли вперед и стали танцевать. Они были в коротеньких, весьма богатых, шитых золотом курточках; под этими курточками, едва застегнутыми внизу, без рукавов, виднелись кисейные сквозистые рубахи; головы украшались ниспадающими в прядях роскошных черных волос золотыми и серебряными монетами и шнурками; на руках были толстые браслеты; наконец широкие шаравары, ниспадавшие в виде юбки, довершали наряд. Пляска Альме состояла большей частью в позе, мимике, в дрожании нижней половины тела, но эти движения были так сладострастны, так гибки, полны неги, трепета, волнения, что действительно нельзя было не удивляться им. Пляска цыганок жива, сладострастна, но в ней много дикого, много оргии; у Альме больше неги, спокойствия. Это климатическое отличие.

Альме пели, пили и курили. Развеселившись, некоторые из них решились танцевать «Осу» нахле. Дело состоит в том, что танцующая воображает, будто ее укусила оса и ищет эту осу в своем платье. Альме вышла на сцену; она долго не решалась танцевать; наконец, побуждаемая песнями, телодвижениями, музыкой, гиканьями, которые становились все громче, исступленнее, разгорячаемая вином, она мало-помалу воспламенялась и с припевом «нахле-эгу! нахле-эгу!» т. е. ой, оса, ой, оса! Начала искать роковую пчелу, сбрасывая с себя платье....

И ни одни телодвижения Альме изображают эту негу, эту роскошь тела. Лицо полно сладострастия; глаза томны, полуприкрыты ресницами, щеки пылают, уста полураскрыты. Она сочувствует вполне своей пляске; она наслаждается ее сладострастием до исступления.

Эсне примечателен в другом отношении. В нем находится известный храм с изображением Зодиака.

Храм этот, еще недавно заваленный до самых капителей, нынче очищен. Земля и сор вынуты, конечно не для того, чтобы представить его во всем великолепии глазам путешественника, но чтобы употребить землю на выделку селитры. Портик храма сохранился прекрасно; двадцать четыре колонны, покрытые иероглифами, поддерживают его: все это огромных размеров, которые видишь только в древних зданиях Египта. Нынешнее название

Эсне Шамполион прочел в иероглифах. Греки называли его Латополисом, будто бы потому, что близ него, в Ниле, находилось много рыбы, называвшейся лато. Копты называют его Сна. Недалеко за Эсне едва видны на берегу полуразрушенные пирамиды Ком-эль-Ахмар.

Часа за два до Ассуана, обрывистые, безжизненные песчаники врезаются в гранит, который за Ассуаном сжимает Нил, вторгается в его русло и образует первые пороги; отсюда начинается частая с ним борьба, гораздо энергически той, какую до сих пор Нил вел с песками Ливии.

Ассуан последний город собственно Египта; он находится под 24°4'45" широты и был всегда важен для него, как пограничный пункт с дикими народами. Римляне имели тут свой гарнизон; христиане – свое епископство в начале распространения христианской веры; при калифах тут была знаменитая академия; нынче нет ничего, кроме полуразрушившихся домов с 5.000 жителей. Чего не порешили чума и время, то покончили набеги нубийцев. Здесь было первоначальное обучение и формирование египетской армии, под начальством Солимана-паши (Сева), который ознаменовал себя многими подвигами и отчаянной смелостью при этой реформе.

Я не без намерения умалчиваю об этом человеке, с которым был довольно коротко знаком. Пускай, прилагаемый здесь портрет, очень похожий, говорит за меня: если только наружность есть выражение душевных качеств человека.

Здесь покинули мы пароход, и пока губернатор распорядился перевозкой на верблюдах наших вещей, по ту сторону порогов и изготовлением барок для дальнейшего плаванья, мы осмотрели славные в древности Эльфантину и Филоэ.

Эльфантина вся состоит из обломков памятников египетских, римских и арабских; в ней нет ничего, почему бы можно создать воображением целое, какой-нибудь отдельный портик или даже колонну: там кусок сфинкса, там нога огромного размера, там барельеф; и все перемешено с надгробными памятниками нового кладбища, и может быть рука Мемнона-Ра подпирает чалму на могиле правоверного!.. Превратности всего свойственней востоку. Окрестная природа соответствует этим развалинам. Горы изрыты, разметаны, разрушены, но напрасно думают, что течение Нила, прорвавшегося через пороги, изуродовало горы; ложе его было приготовлено прежде, другим переворотом.

Мы вернулись в Ассуан. Ассуан прежняя Сиэна, знаменитая своими каменоломнями. Древние здесь полагали тропики; говорили даже, что тут находился глубокий колодец, на дне которого во время равноденствия отражался солнечный луч. Но этого колодца нет и следов, и напрасно селятся отыскать его именно здесь. Трудно вообразить, чтобы греки и римляне (и даже египтяне) могли так ошибаться в означении линии тропиков; скорее сам город Сиэну должно отнести несколько дальше. Великолепные развалины около деревни Келябши, именно под тропиками, оправдывают подобное предположение, тем более, что знаменитая сиэнская каменоломня все-таки придется недалеко отсюда, только с другой стороны.

От Ассуана надо объезжать пороги сухопутно; расстояние невелико: около полутора часа пути; развалины, одни развалины и тут! Барки еще не были готовы и верблюды не пришли. Мы воспользовались временем и отправились на остров Филоэ.

Филоэ очень хорош. Это небольшой островок, на котором прекрасно сохранился древний храм, посвященный Изиде. Портик, еще как видно не оконченный и целые галереи колонн! Мы опишем его на возвратном пути, когда займемся исключительно описанием древностей. Колонны, храмы, пилястры так и сквозили на прозрачном небе; Нил тут тише и покойнее; природа роскошнее, чем где-либо до сих пор; на противоположной стороне островок Битче; на нем также развалины. Это место избрано для действия в «Тысяче и одной ночи»; действительно, тут есть, где разыграть фантазии. Мы провели ночь на бивуаках, но

на другой день, силой угроз, подвинули все власти к деятельности необычайной; часам к 8 утра все было готово и при легком попутном ветре, мы двинулись вперед.

Портрет Сева (Солиман-паши), рис. Тим, рез. Д.

Глава VII. Нубия вдоль Нила

Нубия, – страна людей «диких, сильных, вооруженных огромными щитами и мечами», – говорили древние. Теперь такой Нубии здесь не ищите. От древней ее известности остались только нагота и черный цвет кожи народа. Нубийцы слабы, немощны и довольно тихи. Правда, они вооружены еще маленькими копьями, иногда даже напитанными растительным ядом; но Мегемет-Али очень поуспокоил их и только весьма немногие деревни ускользнули от общего налога, скрывшись в диких и недоступных для солдат горах.

Горы здесь ближе подходят к берегам. Двумя узкими лентами тянутся обработанные полосы земли по обоим берегам Нила, и недалеко за асуанскими порогами песчаники опять сменяют граниты.

Ветер к вечеру становился тише и тише. Как хорош вечер! Солнце западало за Ливийские горы, которые покрылись каким-то золотистым паром; между тем, вершины противоположной, аравийской гряды уже темнели, хмурились; подошвы были бледного, побежалого цвета; на них рисовались яркой, живописной зеленью пальмы и кустарники акации, которые при дневном свете вообще невзрачны. Но вот солнце скрылось совсем, только алая полоса осталась по закате; на ней ливийские горы очерчивались резкими, ломаными линиями. Небо было чистого, высокого цвета сафира, ни облачка на нем; мне даже было досадно, зачем так пусто оно; но вот на востоке засветилась звезда, другая, и вдруг все небо заискрилось; настала ночь: все это совершилось быстро; тихо скользили наши четыре дагабии по гладким волнам Нила; паруса едва надувались легким северным ветром. Была тишина окрест; арабы сидели, поникнув головой, как будто ночь давила их к земле, наводила тоску больше чем день: это не то, что кочевые племена киргизов или монголов и даже негров, которые оценили бы вполне красоты подобной ночи, и несмыкаяючи глаз провели бы ее под звездометным небом. Действительно, хороша была эта ночь; на земле все было таинственно, полу-темно, как будто земля говорила: мне так лучше, виднее небо.

От чего же и я, подобно арабу, грустно гляжу на ночь, анатомически исследую ее? Так ли я описывал подобные ночи, так ли я проводил их, так ли наслаждался ими? Я сознаю высокую художественность нерукотворного эффекта этой ночи; но что же молчит душа моя! Право не знаю. Вот на одной из барок кто-то замурлыкал русскую песню. Грустно! Я думаю здесь воздух сух; нельзя сказать чтоб было жарко, но легкие неохотно впивают этот воздух, даже после душного дня, не то что прохладу вечеров неаполитанских. Полно так ли? Положим, что так... Все спит. На барках стухли и огни, и мы плывем тихо и незримо, как духи волшебных сказок. Не спится. Право досадно, что не спится. Горькая мысль так и теснит грудь: высказаться хочет. На что ее! Давай нам дела, фактов, говорит читатель, а не мечтаний... К делу, к делу. Терпение, мой добрый читатель. Завтра, завтра! Вот и луна взошла; время около полуночи, пора спать. Спите и вы, если можете спать спокойно. Сон добрая вещь.

На другой день мы переехали линию тропиков близ деревни Келаше под $23^{\circ}37'44''$. Бальби справедливо замечает, что тропики рака самые жаркие и трудно обитаемые. Направо от нас несколько развалин, далее, величественный вход в пещеры.

Было 15/27 января. Солнце жгло. За тропиками нет более ночной росы; дождей никогда не бывает вне линии периодических дождей, которые около двадцатого гр. Один Нил питает землю, сакии день и ночь поднимают из него воду для поливки полей; воздух очень сух.

Мы всходили на Ливийские горы, которые очень тесно сжимают Нил. Вершины их представляют обширную каменистую равнину; кругом ни признаков жизни: ни былинки, ни животного! Мы спрашивали туземных нубийцев, далеко ли идет эта каменистая пустыня, достигает ли до пустыни песчаной? – А кто туда ходил! – отвечали они, кто знает!.. Между

тем, бедуины ливийских оазисов в некоторых местах проходят эти горы, ища воды и прохлады у берегов Нила. Есть даже, как я уже выше заметил, постоянные обитатели гор, – это негры, бежавшие рабы, которых всякий, кто осилит, ловит и продает опять в неволю, и нубийцы, укрывающиеся здесь на время от платежа податей и от египетских солдат.... а между тем сами звери боятся этих гор!

С берега только и слышен пронзительный визг сакий и шедуфов; шедуф – то же что наш малороссийский журавль для подъема воды. Через перекладину проходит длинная жердь; на одном конце ее кожаный мешок или другой сосуд; на другом – камень, для перевеса. Воду черпают руками, из одного бассейна в другой, до возвышенного берега, где находятся посева. Механизм сакии похож на тот, которым вычищают каналы. С колеса, вертикально установленного, опускаются веревки, на которых укреплены два ряда горшков. Когда опускается один ряд горшков пустых, тогда поднимается другой, наполненный водой и опораживает их в особенный бассейн. Движение не прекращается. Механизм очень прост, удобен; он приводится в движение быками или лошадьми. Цель его все та же: поднять воду с Нила на горизонт посевов. Жатва поспевает скоро: для ячменя, например, нужно менее двух месяцев от посева, пока он совсем созреет. В год собирают две и даже три жатвы, смотря по труду; нужно только беспрестанно поливать поле; солнце работает сильно.

Там, где прибрежные горы не высоки или узки, пески пустынь переносятся через них до плодоносных берегов Нила, местами вытесняя всякую растительность, распространяя опустошение и смерть. Где-где еще устоит одинокая пальма или куст мимозы; но скоро все поглотится заметами песков.

Как живообразно выражена древними¹² борьба стихий в тройственном мифе Озириса, Изиды и Тифона. Под именем Озириса, жрецы египетские разумели Нил, под именем Изиды – землю. Страшный Тифон был выражением пустыни, мечущей громады песку на берега Нила и заносящей его самого. Отсюда вечная борьба этих богов. Озирис, во время владычества своего, был умерщвлен братом, чудовищным Тифоном. Изиды, супруга Озириса, отмщает смерть смертью Тифона и царствует сама.

Кирус очень веселое местечко, на правом берегу Нила. Долина довольно обширна и покрыта растительностью. Домики или мазанки разбросаны пестро. Мы заходили во многие из них, – пусто, как и в Египте. У более богатых есть дворик, вымощенный камнем; чтобы понять эту роскошь, надобно прибавить, что двор-то и составляет главное жилище; со двора закоулок, так что вы упретесь в заднюю стену дома, и только обогнувши его кругом, попадете в дверь; явно намерение хозяина укрыть ее от взоров любопытных, но все так миниатюрно, что дитя не заблудится в этом мнимом лабиринте. В домике – из глины сбитая кровать; в стене углубление для голубей, есть еще нож, кувшин – вот и весь домашний скарб. Вместо кровли – горсть соломы, сквозь которую проходит свет; впрочем, эти клетки довольно чисты, не то, что в Египте. Pariset¹³ говорит, что семья помещается в них с буйволами и верблюдами; да если бы верблюд сюда голову просунул, то опрокинул бы весь дом; к этой клетке прислонена другая, для жены и детей. Во дворе найдете большой горшок с ячменем или дурой: это домашний запас для уплаты подати. Самому нубийцу нужно немного, и он обыкновенно пользуется пищею прямо с поля. Тут у него всего понемножку и во всякое время что-нибудь поспело, или бобы, или ячмень, или горох, чечевица, дура; разнообразие в хлебе и овощах большое, но всего скудно; не понимаешь, как могут существовать эти люди и оплачивать подати. Редко кто имеет пять-шесть баранов и верблюда. Вы спросите, где же их земледельческие орудия, бороны, заступ, топор? Почти ничего этого нет и в помине. Есть род плуга, но лучше бы его и не было. Обыкновенно же на нильском иле

¹² Heliodor. Aethiop. I. IX.

¹³ Memoire sur les causes de la peste 1847. p. 127.

делают руками ямочки и сажают в них по несколько зерен. Солнце и Нил, или правильнее – сакия, довершают остальное; зато уже последняя работает и день и ночь.

Нубийцы цветом кожи темнее египтян; последние пользуются названием белых, не совсем впрочем справедливо, первые – названием красных. Те и другие, – я разумею феллахов, – ходят полунагие; в тех и других мало отличия, кроме языка. Нубийцы, впрочем, лучше арабов. Барабра, населяющая Донголу, народ верный, преданный своему господину, и потому предпочтительно пред другими принимается в слуги в Каире и Александрии.

В Нубии христианство первоначально занесено Св. Евангелистом Матфеем и нубийцы оставались христианами даже до 1500 года. В нижнем Египте христианская религия распространена Св. Евангелистом Марком, а Абиссиния, которая и ныне остается более или менее верной нашей церкви, была обращена Св. Фрументием в IV веке.

Как пустынен Нил. От Каира до Ассуана где-где мы видели дагабию; от Ассуана, в течение пяти дней, встретили только три больших барки с невольниками из Сенаара; надо, впрочем, заметить, что воды были низки. Ни лодки рыбачьей! Береговые жители, которым часто нечего есть, могли бы иметь большое подспорье в рыбе; но у них нет даже удочки, не только сети; после разлива Нила собирают однако остающуюся вместе с илом небольшую рыбку, которая едва ли и название имеет: нечто костлявое и нехорошее, вроде нашей плотвы.

Наконец мы увидели вблизи крокодила. Огромное животное, сажени в три длиной, нежилось на песке. Птица, вроде серого ибиса, неотлучная спутница его на земле, стояла возле, на страже. Видно она разбудила его, боясь нашего приближения; крокодил вильнул хвостом и свалился с берега в воду. Эта птица не трохлидос древних, потому что та, если верить им, состоит по особой части при крокодиле: она вынимает червей из его языка, который, как известно, очень глубоко в горле, и исполняет другое подобного рода поручения. Этому назначению вполне соответствует птичка, с красивым раздвоенным чубом на голове, с загнутым клювом, несколько больше вальдшнепа.

Гумбольдт заметил, что некоторые крокодилы едят людей, другие нет, – и это справедливо. Туземцы знают, где обитают крокодилы – людоеды и остерегаются их; в других же местах беспечность их удивительна, и надо заметить, что они нередко платятся за нее. Дети и животные мелкого разряда, телята, ослы, всего чаще делаются их жертвами. Нередко крокодил справлялся с быком. Обвивши хвостом, он утаскивал его на дно реки и там уже пожирал.

Древние жители Омбиса делали ручными маленьких крокодилов. Самцы ведут страшную войну с самками. Дорого платятся последние за любовь первых; вообще они убегают ее, во-первых, потому, что эта любовь сопровождается страшными знаками крокодилей нежности, во-вторых, самки знают, что плод любви может сделаться жертвой их ненасытной прожорливости. Вот почему они кладут свои яйца в местах, сколь возможно недоступных, в высоких берегах, зарывают в песок, и истребляют все следы около них; яйца эти делаются также жертвой ихнеумона. Ихнеумона боготворили в древности, и было за что; он ведет непримиримую войну со всем крокодилем родом. Нубийцы едят крокодиле мясо, вырезавши из него, сейчас после того, как убьют, мешочки с мускусом, но все-таки едкий запах мускуса сильно отзывается.

Часа за три до Короско, Нил до того сжимается горами и песками, что только самый отклон берега, т. е. пространство сажени в две-три обработано, – далее пустыня, смерть, царство Тифона!.. И таков Нил почти везде. Если подумаешь, что все население Египта и Нубии теснится на узких берегах его, за исключением немногих оазисов и дельты, то невольно рождается вопрос, что случилось бы с этим населением, простирающимся до 5.000.000 жителей, если бы Нил был занесен песками пустынь, которые осаждают его отовсюду, а это легко могло бы случиться, если бы ежегодные приливы не расчищали русла.

У самого Короско Нил круто поворачивает на запад, описывая дугу; поэтому, часто, даже в полную воду, когда катаракты не опасны, оставляют его и идут наперерез, пустыней; тут выигрывают дней десять пути и минуют вторые, самые большие пороги Нила, которые в малую воду никак нельзя переплыть, и несколько незначительных.

Прежде большая Нубийская пустыня была непроходима от нападений арабов, и караваны избирали обыкновенно путь через Донгольскую пустыню; (мы узнаем и ее на обратном пути), но нынче Мегемет-Али заключил условие с племенами Абабди, обязав его водить и оберегать караваны, и путь, в этом отношении, совершенно безопасен.

Вследствие таких обстоятельств, Короско, созданный в недавнее время, получил некоторую важность. Тут останавливаются караваны со слоновой костью, сене и невольниками (невольники здесь не больше, как товар), и нагружаются на барки, а отсюда отправляются на верблюдах разные припасы для военного отряда, расположенного в Судане и товары купцов, словом все, что идет до Короско на барках, потому что как мы уже заметили, двойная необходимость заставляет проходить пустыню, как ни ужасна она. Короско расположен в красивом местоположении и погружен в зелень своих пажитей, пальм и домов: маленькие домики его видны только, когда приближаешься к ним. Деятельности, жизни в нем много, а довольства нет как нет! Где же оно, если и тут его нет?

Глава VIII. Большая Нубийская пустыня

Дикий гул отдавался в ушах; я не мог хорошенько сообразить, во сне это или наяву? Безбрежная степь, занесенная снегом, лежала передо мной; верблюды за верблюдом тянулись длинной вереницей; по бокам заметы: верблюд упал, его сбросили в снежную бездну, как в море, за ним другого, третьего. Но вот, гул стих; дикие крики раздались отовсюду... А! Я в горах. – Спуж возле; турки сделали вылазку. С именем Божьим, мы кинулись на них; стук, крик; я невольно вздрогнул и плотнее закутал голову. Потом, казалось, все стихло. Пленительная картина раскинулась передо мной. Небольшая деревенька; сквозь чашу дикой рощи проглядывал пестрый, красивый домик; возле – луг, перерезываемый игривой речкой; я перешел через мостик: шел рощей, лугом, уже приближался к красивому домику, уже слышал веселый говор, несшийся из него; там меня ждали, оттуда манили меня; я уже готов был переступить знакомый порог; вдруг, дикий, пронзительный рев потряс всю внутренность мою... веселый домик, тишина, счастье, – все исчезло, все это был сон! только пронзительный рев не затихал и наяву... Я вышел из палатки. Сотня верблюдов, коленопреклоненных, ревели благим-матом. Их вьючили.

Какой рев, какие заунывные крики вожатых! это еще хуже, чем в Киргизской степи; может быть то уже забылось, а это слышалось тут, во всей злопредвещающей дикости.

«Ге, шейх Абдель-Кадер! ге, шейх Абдель-Кадер! Ахмет! Бас-Боч! Бас-Боч! Я, яволет! шейх Абдель-Кадер!» раздавалось отовсюду: Абдель-Кадер – имя покровителя караванов в здешних пустынях, – имя, которое беспрестанно призывают на помощь.

Суматоха продолжалась еще несколько времени. Арабы спорили между собой, у кого больше ноши для верблюда; иные, из наших, отыскивали лучшего дромадера, другие не знали, на какого сесть, третьи не умели как сесть, и с ужасом смотрели на эту башню, которая, между тем, преклонялась перед ребенком и раболепно подставляла ему свой горб. Бедный верблюд! чего ни делают с ним во всех концах света, где только существует он!

«Ге, шейх Абдель-Кадер!» раздалось в последний раз, и караван пошел!.. Это было 20 января (1 февраля н. ст.), в 8 часов утра, а солнце жгло, как никогда не жжет оно в Петербурге среди лета, среди белого дня; а белые дни, как известно, так редки в Петербурге.

Горы то теснились одна к другой, то расходились. Между ними лавировал наш караван, как корабль между подводными камнями, не касаясь ни одной из них. Странное образование песчаников этих гор, во многих местах обнаруживающих свое вулканическое происхождение, я описал в отдельной статье.

Сначала, на пути – были признаки жизни: дерево другое акации, но, Боже, что это за дерево! только полу иссохшие ветки да иглы; ворон, вьющийся над караваном, но и тот к вечеру вернулся назад; пещера, в которой еще видны следы гиены, но и гиена недолго жила в этих безводных местах. На другой день пустыня явилась во всем ужасе разрушения и смерти. Остовы верблюдов и быков попадались на каждых десяти шагах, иногда чаще. Ни червяка, ни мухи, ни иссохшей былинки: как будто здесь и не было никогда жизни! Низменные, отдельные, разбросанные, до половины занесенные песком горы имели совершенное, поражающее подобие могил. Расположенные на безбрежной песчаной равнине, они придавали ей вид кладбища. Ничего не видел я ужаснее в жизни! Небо также пусто, как земля, – еще пустынее ее, потому что горизонт шире. Солнце жгло; жар доходил до 34° по Реомюру, а на пространстве десяти дней пути только в одном месте вода, и то такая горько-соленая, что одна неволя заставляла пить ее.

Караван, еще вчера шумный, говорливый, подвигался в тишине, в тоскливом расположении духа, в изнеможении тела. Мираж покуда занимал тех, которые не видали его, но на третий день, когда мы вышли на так называемое Море Песков, Бахр-эль-гатаб, мираж

уже не сходил с глаз, и это было для нас предметом новых мук. Озера расстилались до края горизонта, реки текли перед нами, отражая всю роскошь растительности, и это еще более распалило жажду, глаза изнурились от напряжения, болели от яркого света песков, облитых лучами солнца. Арабы называют мираж наваждением дьявола. Раз, в долине, будто в море, увидели мы какие-то странные, колеблющиеся в виде гигантов фигуры; мы было приняли их за мираж, но они не исчезали, не отделялись при нашем приближении, только мельчали и облекались в образы; через час времени, мы поравнялись с ними; это был караван, заключавший в себе грем паши Судана: жены с детьми сидели на прикрепленных к горбам верблюдов кроватях, с небольшим навесом, и качались, словно в корабельных койках. Продолжительная езда на верблюде, во всякое время тяжелая, утомляющая своей качкой, теперь казалась невыносимой. Здесь верблюды, и даже дромадеры, одногорбые, и положение седока на горбе походит на положение индейских фокусников, вертящихся на конце заостренной палки. Во время своих караванных путешествий, я никогда не ездил на верблюде: всегда бывала у меня лошадь, и только теперь, я понял вполне слова, бывшего с нами в Хивинской экспедиции, генерала М., который говорил, что если на картинке увидит верблюда, то выцарапает ему глаза.

Впоследствии времени, к счастью, я нашел в караване осла и продолжал путь частью на нем, а частью пешком, потому что осел, которого поили только через два дня, изнемогал подо мной, как ни силен египетский осел.

Переезд гарема через Большую Нубийскую пустыню, рис. Тим, рез. Бернадский.

Мне стали понятны мучения Александра Македонского, шедшего через пустыню Ливийскую на поклонение Аммона-Ра; но, на третий день путешествия, небо ниспослало Александру дождь; небо берегло его и вознаградило, потом, сказав ему, что он происходит от Юпитера; а мне сулило оно одни только горькие последствия подобного же путешествия. Теперь понятно, каким образом была погребена под знойными песками Ливии целая армия Камбиза, шедшая на разрушение тех храмов, которым поклонялись Геркулес, Персей и Александр Великий; понятно, отчего погибают беспрестанно караваны и путники в этой, так называемой Большой Нубийской пустыне, одной из самых страшных пустынь в Африке.

Самум, или, как его называют арабы, хам-сим, пятидесятница, потому что он дует в период пятидесяти дней, в апреле и мае месяцах, разумеется непостоянно, иначе он в пятьдесят дней опустошил бы весь Египет, – хам-сим, который неожиданно, иногда, налетает и в другое время года, всегда почти сопровождается гибелью путешествующих в пустыне.

Приближение самума трудно предвидеть. Правда, воздух сгущается заранее, принимает пурпуровый цвет; лицо путника наливается кровью; глаза, кажется, хотят выскочить из орбит, голова кружится; но все это настает так быстро, что люди и животные, хорошо понимающие эти признаки, едва имеют время кинуться ниц на землю и сунуть голову, как можно глубже, в песок. Самум пронесся, кажется, благополучно, прикрыв караван только тонкой полостью песку. Люди и животные поднимаются; иссохшие уста жаждут воды; все кидается к гербе, кожаным мешкам с водой. . . . О, ужас! воды ни капли. Самум в один миг иссушает мешки, полные воды, если не успеют их убрать и закрыть циновками или землей; а мы уже заметили, как трудно предугадать приближение самума. Тогда положение каравана, если он далеко отошел от воды или задолго до нее, ужасно. Обыкновенно, вот что делается в нем: невольники, которых целые толпы проводят через пустыню, садятся в кружок, и в молчании ожидают смерти; вожатые-арабы рассчитывают очень верно, часто по опыту, могут ли они дойти до воды с запасом верблюжьей крови, или нет, и принимают свои меры; если могут, то каждый убивает своего верблюда и отправляется, немедля, вперед; если нет, то никто из них не станет понапрасну беспокоиться, и каждый, с покорностью и верой в судьбу, обрекает себя смерти. Тогда в этой таинственной пустыне раздаются песни, которыми обыкновенно отпевают покойников, и вопли, сопровождающие в другую жизнь: это страшнее тишины негров; но турки никогда не погибают без борьбы со смертью, борьбы отчаянной, до последней минуты жизни; большей частью это владельцы каравана; отыскавшие где-нибудь между вьюками несколько глотков воды или водки, запасшись также верблюжьей кровью и выбрав лучшего дромадера в караване, они скачут по направлению к Нилу; никто не противится им, потому что вожатые-арабы и в самом отчаянии сохраняют уважение к господину. На этом переезде большей частью погибают они в страшных муках.

Не один самум бывает причиной гибели путников. Каждый год насчитывают несколько несчастных случаев в этой пустыне и без самума. Большая часть гор и мест носят название своих жертв. Там погиб начальник кавалерии Судана: вожатый его принял одну гору за другую и заблудился в пустыне. Тут погибли двенадцать кавасов Мегемет-Али: вожатый отправился отыскивать оставшего верблюда; коvasы долго ждали; было уже близко от Нила, а кто переходил пустыню, тот знает, с какой жадностью стремятся люди и животные к свежей воде. Они же шли этим путем не в первый раз, а потому и отправились одни. Вожатый, между тем, воротился; не нашедши их на месте, он отправился по свежим следам; но ни кавасы, ни вожатый не возвращались. Впоследствии их нашли не в дальнем расстоянии один от другого; крайнего за четыре часа до Нила. Всех несчастных случаев не перечесть.

Трупы остаются очень долго нетленными; ни хищных, ни других зверей, ни насекомых, как мы заметили, здесь нет, так некому истреблять их. Иссошенные солнцем, трупы лежат, как живые, и часто ошибаешься, глядя на них издали.

Вот гора, называемая Габешь, Абиссинскою. Тут, когда-то, после самума, осталась, в числе прочих, абиссинянка, невольница. Другие невольники терпеливо ожидали смерти, но ей, молодой и прекрасной собой, конечно пользовавшейся лучшей жизнью, чем они, жалко было расставаться с ней; в страшных муках и терзаниях ожидала она смерти. В это время наехали на нее два каваса, турок и черкес. Они тоже со своим караваном были настигнуты самумом, но успели спасти одну замзанию, – маленький кожаный мешок с водой, – спрятали ее от других, и убежали на дромадерах. Абиссинянка кинулась к ним, рыдая молила, заклинала их взять ее с собой. Турок колебался.

– Послушай, – говорил он товарищу, – ведь если доведем ее в Каир, можем продать за десять тысяч пиастров.

– Правда, – отвечал черкес: – а если поделимся с ней водой, то можем умереть все трое.

– До Нила недалеко, – говорил турок, – к нужде мы привыкли. . . . Абиссинянка поняла, что турок принял ее сторону: она усилила свои мольбы, обращая их исключительно к нему.

Отчаяние придало ей силы, красноречия и может быть красоты. Турок был тронут и решительно настаивал взять ее с собой.

– Хорошо, – сказал его спутник, по-видимому тоже колебавшийся: – только сажай ее к себе на дромадера.

Турок может быть того и хотел. Отправились. Черкес, ехавший позади, вынул пистолеты, пустил одну пулю в абиссинянку, другую в турка, который не успел выхватить своих пистолетов, потом взял замзанию, и благополучно доехал до Бербера. Говорят, он сам рассказывал эту историю своим, прибавляя, что если б пришлось поделиться водой только с турком, то и тут не достало бы, и что все-таки один другого должен был убить, а сумасшедший турок взял еще третьего потребителя, вовсе не привыкшего к нужде, и что он во всяком случае оказал благодеяние – абиссинянке, прекратив ее терзания, а турку, – отправив на тот свет не одного, но с женщиной, которую он до того полюбил, что готов был умереть за нее.

Мы шли по двенадцать и тринадцать часов в день, нигде не останавливаясь. Верблюды не изменяли своему ровному, мерному шагу, от начала дня до конца, от первого привала до последнего. Подножный корм и воду они могли только видеть издали, и то во время миража. Им давали горсти по две дуры – род проса – вечером, и только. Арабы, находившиеся при верблюдах, съедали по горсти дуры в день, даже меньше, и больше ничего. Они шли, в течение всего перехода, тем же мерным шагом, как и верблюды, – вожатые впереди, нигде не приседая, не приостанавливаясь. Жар, казалось, не имел на них влияния; для них даже это не был жар.

– Неужели бывает жарче? – спросил кто-то из нас араба. Бедуин засмеялся.

– Разве жарко? – сказал он. – Теперь все-таки зима, хоть и на исходе; летом иначе.

– Как же иначе?

– Да так, что и мы не можем идти через пустыню днем, а ходим ночью.

– Хорошо же должно быть летом: это удовольствие для нас впереди.

Во время-то ночных переходов всего чаще бывают несчастья с караванами. Арабы-бедуины плохо различают звезды; они руководствуются значками, поставленными на горах, самым положением некоторых гор и наконец костями людей и животных, которые высываются из песку или еще не занесены песком. Во время темной ночи, они не видят своих руководителей и часто принимают одну местность за другую, особенно на безбрежных песках. Тем еще легче ошибиться, что песчаные бугры беспрестанно переносятся с места на место, а следствия малейшей ошибки легко предвидеть.

Я уже, кажется, имел случай заметить, что вожатыми служат, по преимуществу, арабы племени Абабди. Они говорят, что если абабди пройдет через пустыню раз и обронит булавку, то на обратном пути найдет ее; иначе он не абабди. Абабди врут; они, как и все арабы, любят прихвастнуть, особенно, когда речь идет о себе. Дело в том, что они уступают в искусстве вожатых нашим киргизам. Для киргиза все служит признаком в степи: звезды, а он их хорошо знает, наклонение травы, направление ветра, могилы, которые никто другой не отличит от тысячи таких же могил, рассеянных в степи, перелетная или залетная птица. Днем или ночью, он выведет вас с одного конца степи на другой, как по струнке; но уж никто не сравнится с арабами в перенесении трудов пути. Подходя к привалу, после тринадцатичасовой ходьбы, после нескольких таких переходов, арабы выскакивают вперед, танцуют, кривляются и паясничают. Киргиз этого не сделает, хотя всякому, бывалому в степи, известно, к каким лишениям, к какому труду способен он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.